Народы госсв
4-10 1880
М 85
528
в IX-X 1880,

М 85/528 с II вк

НАРОДЫ РОССІИ.

1880 г. IX–X

ЧЕЧЕНЦЫ. ЛОПАРИ.

Изданіе „ДОСУГЪ и ДѢЛО".

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
Больш. Подъяч., № 39.
1880.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Апрѣля 1880 года.

Ф.33-6145

НАРОДЫ РОССІИ.

I. ЧЕЧЕНЦЫ.

По сосѣдству съ осетинами и на востокъ отъ нихъ поселилось чеченское племя. Чеченцы называютъ себя *нахче*, т. е. народъ, и названіе это относится одинаково до всѣхъ племенъ и поколѣній, говорящихъ на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ.

Наружная деликатность и вѣжливость есть отличительная черта характера чеченцевъ. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга или отдаютъ «селямъ»; знакомые же привѣтствуются пожатіемъ руки, и всегда правою. Въ языкѣ ихъ не существуетъ, подобно другимъ народамъ, ни изысканныхъ ругательствъ, ни бранныхъ словъ. Въ минуты гнѣва, самою употребительною у нихъ бранью считается какое-нибудь пожеланіе, въ родѣ того: чтобы тебѣ голову сняли! чтобы тебя пушкою убило, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ припадкѣ сильнаго гнѣва, чеченецъ произноситъ: «джалій корне» (собачій сынъ), что считается большимъ оскорбленіемъ. Если въ настоящее время чеченскій лексиконъ увеличился новыми ругательствами, то они большею частію заимствуются отъ сосѣдей-иноземцевъ.

Взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ отличаются

полнымъ уваженіемъ къ женской стыдливости, составляющей достоинство дѣвушки. Чеченецъ считаетъ недостойнымъ себя не только оскорбить чѣмъ нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою; нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію, и, какъ увидимъ ниже, за подобнымъ поступкомъ слѣдуетъ весьма серьезная раздѣлка. Вообще, въ характерѣ народа много гордаго и самолюбиваго.

Подобно черкесамъ, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и вѣрили въ широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая съ трудомъ свое отечество, чеченецъ спѣшитъ какъ можно скорѣе вернуться подъ свое родное одѣяло — такъ называютъ они свои лѣса. Даже отправляясь на богомолье, туземецъ сохраняетъ присутствіе духа только до тѣхъ поръ, пока его провожаютъ родные.

Чеченцы считаютъ себя народомъ, избраннымъ самимъ Богомъ, но для какой именно цѣли они предназначены и избраны,—объяснить не могутъ. Вслѣдствіе такой самоувѣренности, они полагаютъ, что ни во взглядѣ на жизнь, ни въ своихъ мнѣніяхъ и приговорахъ, ошибиться не могутъ. Отъ этого у нихъ часто проявляется недовѣріе ко всему, сказанному нами, ко всѣмъ дѣйствіямъ нашимъ, клонящимся прямо въ ихъ пользу. Мнительность и подозрительность, а вслѣдствіе того большая осторожность и предусмотрительность видны во всемъ томъ, что исходитъ прямо отъ самого народа. Они ласковы, по собственному ихъ выраженію, только потому, чтобы не подать подозрѣнія о склонности къ воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нѣтъ возможности. Онъ васъ любитъ, какъ брата, но горсть серебра — и онъ готовъ отдать васъ въ самыя адскія руки.

Какъ всѣ полудикіе народы, и чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ, и весьма склонны къ мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой сте-

мени развитія, чеченецъ легковѣренъ, впечатлителенъ, быстръ на знакомство и всегда веселъ. Одно впечатлѣніе быстро смѣняется другимъ. Подъ веселостію у него часто скрывается чувство мести за обиду. Въ минуты увлеченій, во время споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбѣжно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную вражду и мщеніе.

Умственное развитіе чеченцевъ далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ, чему способствуетъ ихъ врожденная недовѣрчивость, а главное — безпрерывныя насилія и вѣчная война. Чеченецъ богато одаренъ умственными способностями, но, къ сожалѣнію, и онѣ получили фальшивое направленіе при той обстановкѣ, при которой онъ развивался.

Многіе обычаи гостепріимства придаютъ полудикому населенію нѣкоторый видъ благородства. Гостепріимство развито въ значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны и, не смотря на дикость нравовъ, являются утонченно вѣжливыми хозяевами и гостями. Шамиль, стараясь развить въ народѣ шпіонство и доносы, сильно поколебалъ въ подвластныхъ ему племенахъ строгое наблюденіе обычая гостепріимства.

Гостепріимство чеченца, говоритъ Пассекъ, далеко ниже того, какъ привыкли воображать: безъ разсчета чеченецъ не испечетъ теперь гостю чурека (хлѣба), не зарѣжетъ барана, и было нѣсколько примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина, а хозяинъ обиралъ своихъ гостей.

Въ тѣхъ же обществахъ, которыя не были подъ властью Шамиля, гостепріимство и до сихъ поръ осталось на высокой степени своего развитія. Въ такихъ племенахъ, хозяинъ считаетъ великимъ для себя стыдомъ позволить обидѣть и даже арестовать человѣка, не-

реступившаго порогъ его сакли, хотя бы онъ былъ даже преступникъ.

Чеченецъ одѣвается безъ всякихъ затѣй, все по мѣркѣ, все къ мѣсту, и ничего лишняго. Сшитый изъ желтаго или сѣраго сукна собственнаго издѣлія чекмень или чуа, плотно и въ обтяжку охватываетъ его гибкую талію; бешметъ или архалукъ его бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но лѣтомъ преимущественно изъ бѣлой матеріи. Чеченецъ носитъ суконныя шаровары, суживающіяся къ низу, а чевяки или мачи, приготовленные изъ сыромятной лошадиной кожи, составляютъ его обувь. Чевяки плотно охватываютъ ногу такъ, чтобы обрисовать ее—это щегольство.

Желающіе блеснуть чевяками, надѣваютъ ихъ, подобно черкесамъ, не прежде, какъ достаточно размочивъ въ водѣ. Нѣкоторые носятъ кожаные чирики—родъ башмаковъ, иногда безъ подошвы, а иногда подъ нихъ подшивается подошва изъ буйволовой кожи. Зимою туземецъ облекается въ полстяные теплые чевяки, похожіе на валенки. На головѣ чеченецъ носитъ папаху, представляющую родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, обращенной шерстью во внутрь, съ завороченными наверхъ краями, образующими мѣховой околышъ, или куртей. Нарядное платье свое чеченцы обшиваютъ узкимъ галуномъ, приготовленнымъ дома, довольно прочно и красиво.

Одежда чеченскихъ женщинъ довольно живописна, хотя мало отличается отъ обыкновеннаго татарскаго женскаго костюма. Онѣ носятъ одноцвѣтныя, краснаго или синяго цвѣта, длинныя рубашки, доходящія до колѣнъ, съ длинными же рукавами и цвѣтными надплечіями. Поверхъ рубашки надѣваютъ бешметъ, или архалукъ, широкія шальвары, подвязанныя у чевякъ, и на ногахъ чевяки. Зимою женщины носятъ шубы, но надѣвать ихъ дѣвушкамъ у нѣкоторыхъ племенъ чеченскаго народа считается большимъ срамомъ. Костюмъ женщинъ отличается большею чистотою и опрятностію. На головѣ онѣ носятъ небольшія шапочки, разукрашенныя монетами и другими

блестящими бездѣлушками; большинство же повязываетъ голову длинными бѣлыми платками, но покрывалъ въ горахъ по большей части не носятъ вовсе, лица своего не скрываютъ и не прячутся отъ мужчинъ.

Въ богатыхъ семействахъ одежда женщинъ отличается своею роскошью и изысканностію.

Обыкновенную пища у чеченца составляютъ: просяная лепешка и сыскиль, кукурузный хлѣбъ, который ѣдятъ часто съ биремомъ. Биремъ давнишнее квашенное и соленое молоко, безпрестанно разводимое то водою, то молокомъ, съ приправою соли. Прочія блюда составляютъ: ахигъ—варенная кукуруза, лапша, молоко свѣжее (ширъ) и кислое (шаръ), творогъ, масло, пшеничныя лепешки, у которыхъ верхняя корка покрывается толстымъ слоемъ сала, блины, употребляемые на свадьбахъ и похоронахъ, и джи-жикъ—мясо въ различныхъ видахъ, и преимущественно баранина, изъ которой приготовляютъ довольно вкусный бульонъ, весьма часто приправляемый сметаною и чеснокомъ. Чеченцы не ѣдятъ горячаго и, сваривъ бульонъ, разводятъ его холодною водою, если не желаютъ ждать, пока онъ остынетъ. Кромѣ того варятъ фасоль, бобы, а теперь входитъ въ употребленіе картофель. Для гостя чеченецъ подаетъ шашлыкъ, калтъ-детты—сыръ, перемѣшанный съ топленнымъ масломъ, и калмыцкій чай.

Чеченцы очень умѣренны въ пищѣ, точно также какъ во снѣ. Несмотря на то, что весьма сильны и ловки, они ѣдятъ очень мало и часто довольствуются чурекомъ съ кускомъ бараньяго сала или сыра. Дома чеченцы ѣдятъ раза два или три, но понемногу. Мужъ ѣстъ всегда отдѣльно отъ жены, которая не осмѣлится сѣсть вмѣстѣ съ нимъ, безъ особаго приглашенія. Пищу приготовляютъ, тогда, когда приходитъ время ѣсть, и при томъ въ такомъ количествѣ, чтобы не было остатковъ. Приличіе требуетъ, по окончаніи ѣды, оставлять всегда что-нибудь на блюдѣ. Передъ ѣдою и послѣ умываютъ руки и полощатъ ротъ.

Чеченскіе аулы или селенія вообще растянуты на значительное разстояніе; сакля отъ сакли отдѣляется садомъ, огородомъ, дворомъ, а иногда и пашнею. Селенія строятся неправильно, каждый дворъ отдѣльно, и раскидываются по предгорьямъ, въ лѣсу, вдали отъ дорогъ и удобныхъ путей сообщенія. Чеченцы, обитающіе въ долинѣ, живутъ большими аулами; но въ горахъ, напротивъ того, селенія ихъ незначительны и часто состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ предупрежденіе отъ нападеній, нѣкоторые изъ ауловъ, подобно тому какъ наши казачьи станицы, окружены валомъ и плетнемъ съ частоколомъ.

Жилища нѣкоторыхъ чеченскихъ племенъ, составляющихъ Ингушевскій округъ, состоятъ преимущественно изъ старыхъ каменныхъ башенъ, сложенныхъ изъ камня, безъ цемента и имѣющихъ нѣсколько ярусовъ. Башни эти построены преимущественно на выступахъ скалъ или на оконечностяхъ гребней, словомъ на такихъ мѣстахъ, которыя ни для чего другаго не годны. Въ одной такой башнѣ живетъ почти всегда нѣсколько семействъ, занимающихъ верхніе этажи, а нижніе предназначаются для помѣщенія скота. Живя совокупно въ одной башнѣ и въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, семейства раздѣлены между собою капитальными стѣнами и помѣщеніе каждаго выходитъ въ общій корридоръ, составляющій принадлежность каждой башни. Кромѣ жилыхъ башенъ, въ горскомъ аулѣ встрѣчаются нерѣдко башни оборонительныя со множествомъ амбразуръ, имѣющихъ форму треугольниковъ, крестовъ, звѣздъ и другихъ изображеній.

Двѣ или три жилыхъ башни, вмѣщающія въ себѣ нѣсколько семействъ, составляютъ аулъ, группирующійся, какъ мы сказали, или до оконечностей гребней, или на выступахъ скалъ, и преимущественно въ мѣстахъ наиболѣе живописныхъ.

Чеченское селеніе, напротивъ того, часто тянется въ длину версты на три или на четыре, хотя весь аулъ состоитъ не болѣе какъ

изъ ста домовъ. Всѣ строенія деревянныя, въ одинъ, рѣдко въ два этажа, и съ плоскими крышами.

Домъ чеченца обмазанъ съ обѣихъ сторонъ глиною и выбѣленъ: внутри него относительно чисто, опрятно и свѣтло. Въ стѣнахъ сдѣланы окна безъ рамъ, но со ставнями для защиты отъ вѣтра, преимущественно сѣвернаго, оттого и двери обращены всегда на югъ или востокъ.

Дверь свою чеченецъ почти никогда не запираетъ, и потому сильный сквозной вѣтеръ свободно гуляетъ по комнатамъ, которыхъ бываетъ по двѣ или по три въ каждомъ домѣ.

Сакля нагрѣвается каминомъ, чаще очагомъ, надъ которымъ сдѣлана труба, проходящая сквозь крышу. Вдоль внутреннихъ стѣнъ сакли идутъ лавочки, на которыхъ разложены въ порядкѣ: посуды ковры, одѣяла, подушки и прочая рухлядь. Въ одномъ углу комнаты стоитъ корзина съ зерновымъ хлѣбомъ, а въ другомъ кадка съ водою, составляющія почти единственную мебель сакли. Одна изъ комнатъ сакли предназначается для пріема гостей и носитъ названіе кунахской. На убранство и чистоту этого помѣщенія каждый хозяинъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ кунахской можно встрѣтить двѣ-три скамейки, лучшія изъ всѣхъ, какія только есть въ домѣ, широкій сундукъ, покрытый ковромъ, и полъ комнаты, устланный бѣлыми войлоками. Здѣсь, вмѣсто очага, устраивается непремѣнно каминъ, а сбоку его у маленькаго окошечка, на почетномъ мѣстѣ стоитъ кровать туземнаго издѣлія. Въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно около дверей, виситъ нѣсколько бычачьихъ шкуръ, на которыя правовѣрные становятся при совершеніи молитвы или намаза. Стѣны кунахской утыканы деревянными колышками и на нихъ въ одномъ мѣстѣ развѣшано оружіе, въ другомъ бутылки, привязанныя веревочками за горлышко, въ третьемъ глиняныя и деревянныя тарелки и чашки, также схваченныя шнуркомъ въ просверленныя около краевъ дырки. Все это почти всегда служитъ не болѣе какъ украшеніемъ,

и чѣмъ больше развѣшано такихъ украшеній, тѣмъ почтеннѣе хозяинъ, тѣмъ гостепріимнѣе считается кунахская. Каждый домъ имѣетъ почти всегда дворъ, огороженный плетнемъ.

Близъ дома строятся помѣщенія для скота; а если недалеко отъ аула протекаетъ рѣчка, то многіе хозяева имѣютъ свои мельницы, или на самой рѣчкѣ, или на проведенной изъ нея канавѣ.

Почти у каждаго дома есть свой огородъ, въ которомъ засѣвается преимущественно: лобія, бобы, тыква рѣдко огурцы, чеснокъ и лукъ; подлѣ огорода есть небольшой клочекъ земли, засѣваемый нынѣ табакомъ, иногда огурцами и дынями. Въ нѣкоторыхъ аулахъ разведены небольшіе сады, но за то во всѣхъ аулахъ кукуруза засѣвается въ изобиліи.

Изъ всего своего помѣщенія чеченецъ больше всего любитъ кунахскую, въ которой онъ проводитъ большую часть дня среди знакомыхъ и гостей.

Господствующая религія чеченцевъ магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христіанами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротивъ того, жители Большой и Малой Чечни, какъ свидѣтельствуютъ преданія и развалины древнихъ храмовъ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ странѣ, исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію.

Трудно опредѣлить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религію, но съ достовѣрностію можно сказать, что различныя племена этого народа принимали эту религію, разновременно и во всякомъ случаѣ водворилась она у нихъ не ранѣе начала прошлаго столѣтія.

До появленія Шамиля духовенство въ Чечнѣ было бѣдно и невѣжественно. Все преимущество чеченскаго духовенства надъ прихожанами заключалось въ посредственномъ знаніи грамоты, которая дѣлала ихъ необходимыми для многихъ нуждавшихся въ составленій разныхъ письменныхъ документовъ. Эта необходимость и давала

1 ЧЕЧЕНЕЦЪ. ЛЕЗГИНЪ

имъ еще нѣкоторое значеніе въ народѣ. При поступленіи въ духовное званіе не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знаніе грамоты. Церковное богослуженіе магометанской религіи не требуетъ никакой подготовки; оно состоитъ въ дневныхъ молитвахъ, извѣстныхъ почти каждому.

Изъ этого видно, что кругъ дѣятельности чеченскаго духовенства былъ крайне ограниченъ. Не получая никакихъ особенныхъ доходовъ съ прихожанъ, а имѣя за то большой запасъ свободнаго времени, духовенство посвящало его торговлѣ и хлѣбопашеству. Въ Чечнѣ каждый мулла получалъ, по примѣру своихъ прихожанъ, опредѣленный участокъ земли, которымъ и кормился.

Съ водвореніемъ въ Чечнѣ власти Шамиля, послѣдній хотя и значительно поднялъ духовенство въ глазахъ народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующимъ.

Муллы въ Чечнѣ по-прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространеніи истинъ магометанскаго ученія и чистоты религіи, сколько хлопотали о поддержаніи суевѣрія въ народѣ. Къ нимъ прибѣгали за помощью чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисманъ, приворожить къ себя возлюбленную или возлюбленнаго.

Получая за это приношеніе или подарокъ изъ нѣсколькихъ барановъ, муллы не отказывались отъ исполненія такихъ просьбъ и вообще старались поддержать религіозное суевѣріе въ народѣ, увѣряя его, что коранъ открываетъ имъ все темное и скрытое.

Случалась-ли засуха,—жители спѣшили къ муллѣ, и просили его отыскать въ книгѣ такой день, въ который можетъ быть назначена церемонія для добыванія дождя.

Самъ Шамиль прибѣгалъ нерѣдко къ подобному шарлатанству, распространяя въ народѣ слухъ о томъ, что имѣетъ непосредственное сношеніе съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ.

Вообще Шамиль старался дѣйствовать на религіозное чувство народа внѣшнею обрядностію религіи и выказывалъ себя чрезвычайно религіознымъ и чистосердечно преданнымъ мюридизму.

Чеченецъ чрезвычайно суевѣренъ: онъ не броситъ напримѣръ, яичной скорлупы въ огонь, боясь, что куры не станутъ нести яицъ или вовсе переведутся; онъ никогда не выбрасываетъ костей, а старается сжечь ихъ, вѣря, что выбрасываніе ихъ непріятно Богу.

Чеченцы вѣрятъ, что можно сглазить человѣка, и, въ противодѣйствіе тому, имѣютъ амулеты, въ которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изреченія изъ корана.

Умопомѣшательство и идіотизмъ чеченцы приписываютъ знакомству съ джинышами. Джинышы—духи, которые, по понятію народа, составляютъ средину между ангелами и духами зла, но связь съ которыми человѣка не приводитъ къ доброму и кончается почти всегда умопомѣшательствомъ.

Суевѣріе, существующее въ народѣ, частію перешло и въ дурную сторону характера туземца.

Чеченецъ не затруднится дать несправедливое показаніе или ложную присягу. Онъ не считаетъ это преступленіемъ и вѣритъ чистосердечно, что присягнуть ложно не составляетъ грѣха, если только присягающій, во время обряда, не положитъ пальца на коранъ или перевернетъ газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего, а курить табакъ, по понятію чеченца, грѣхъ тяжкій, потому что табакъ—дѣло нечистое.

Запрещеніе курить табакъ принадлежитъ къ числу установленій, изобрѣтенныхъ Шамилемъ, который вообще преслѣдовалъ роскошь, пляски, музыку и пѣніе, стараясь замѣнить его однимъ постояннымъ напѣвомъ: ля- илляхи-иль-Алла! (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога).

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотритъ на нее свысока. Мужъ почти никогда не раздѣляетъ съ женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если разсказываетъ о своемъ наѣздничествѣ,

удальствѣ и удачѣ, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того чтобы, порисовавшись передъ нею, возбудить къ ней удивленіе и еще большую къ себѣ покорность. О дѣлахъ серьезныхъ, а тѣмъ болѣе секретныхъ, чеченецъ не станетъ никогда говорить съ женою.

Рабское положеніе женщины кладетъ на нее и рабскіе отпечатки. На лицѣ женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости.

Чувственная отъ природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполнѣ и до послѣдней степени. Въ такихъ случаяхъ для нея нѣтъ ни предѣловъ, ни ограниченій. Подъ вліяніемъ страсти, молодая дѣвушка не стѣснится въ глухую ночь пробраться къ саклѣ того, кому рѣшилась отдаться.

Чтобы завладѣть храбрымъ джигитомъ, чтобы достигнуть своей цѣли, дѣвушка употребляетъ всѣ зависящія отъ нея средства, пускаетъ въ ходъ всѣ свои чарующія знанія, волшебство, созданное суевѣріемъ народа, и нерѣдко прибѣгаетъ къ гаданію, какъ къ средству узнать заранѣе будущую свою судьбу и предстоящее счастіе.

Пришедшая въ домъ мужчины дѣвушка, по обычаю, становится его женою. Никто не въ правѣ расторгнуть этого брака, и роднымъ волею или неволею остается согласиться и пожелать молодымъ счастья: тогда задаютъ пиръ—и дѣло кончено.

Супружескія отношенія отличаются согласіемъ, чему отчасти способствуетъ полная покорность женщины. Будучи чрезвычайны ревнивымъ, чеченецъ зорко слѣдитъ за поведеніемъ своей жены, и нарушенія супружеской вѣрности весьма рѣдки и преслѣдуются весьма строго.

Хотя мужъ не имѣетъ права ни въ какомъ случаѣ посягнуть на жизнь своей жены, но, убѣдившись въ ея невѣрности, онъ можетъ въ наказаніе изуродовать ее, отрѣзать носъ или ухо, или же просто развестись съ нею. За прелюбодѣяніе замужней женщины у чечен-

цовъ существовало страшное наказаніе: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщенія. Отъ воли мужа зависѣло однакоже предать жену народному суду или ограничиться простымъ разводомъ и прогнаніемъ отъ себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была дѣвушка, то долженъ былъ жениться или также его ожидала смерть.

Туземцы большіе охотники мѣнять женъ, т. е. разводится съ прежними и брать новыхъ.

Со дня замужества, чеченская женщина дѣлается самою неутомимою работницею своего семейства, не имѣетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и при всемъ этомъ къ чести женщинъ надо сказать, что онѣ содержатъ свое простое и незатѣйливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Мужчина, въ свободное отъ воинственныхъ занятій время, проводилъ его праздно, безпечно, весело и, не смотря на окружающую его бѣдность, былъ всегда доволенъ собою. Призадуматься о своемъ положеніи, склонить голову на руку, считалось малодушіемъ. Надежда на свою силу, ловкость и проворство дѣлали чеченца разгульнымъ, но не порождали въ немъ стремленія къ улучшенію своего быта.

Въ образѣ жизни, между зажиточнымъ и бѣднымъ чеченцемъ нѣтъ почти никакой разницы, развѣ только та, что богатый одѣвается нѣсколько лучше, да владѣетъ болѣе богатымъ оружіемъ.

Не видя вокругъ себя ничего лучшаго противъ своего собственнаго положенія, привыкнувъ, со дня своего рожденія, къ окружающимъ его красотамъ и богатству природы, чеченецъ или проводилъ праздно время въ своей кунахской, или, сидя на заборѣ, стругалъ палочку, чистилъ оружіе, то шилъ поршни (обувь изъ сыромятной кожи), шелъ въ гости или, наконецъ, вскочивъ на коня, рыскалъ по дикимъ гребнямъ горъ безъ всякой видимой цѣли.

Конь, ружье и шашка—вотъ его гордость и жизнь; пашня, посѣвъ и покосъ—единственная забота житейская. Чеченцы вообще

БАКИНСКІЕ ЖИТЕЛИ.

склонны къ праздности, и жизнь ихъ была до невѣроятности однообразна, скучна, безчувственна и совершенно безплодна для души и сердца. Въ то время, когда жены таскаютъ на себѣ вязанки дровъ, сѣно, тяжелые кувшины съ водою работаютъ въ садахъ, на террасахъ и у саклей, мужчины сидятъ у дверей своихъ хижинъ, которыя всегда настежь зимою и лѣтомъ, или около мечети, слушаютъ и разсказываютъ новости.

Вся дѣятельность ихъ, и все почти занятіе, состояло въ пяти намазахъ.

Оставаясь цѣлые дни въ бездѣйствіи, чеченцы, какъ и вообще всѣ горцы, съ необыкновенною жадностію принимаютъ всякое извѣстіе, съ удовольствіемъ отправляются въ дальнія путешествія, по самымъ ничтожнымъ причинамъ, и пускаются на самыя безсмысленныя приключенія. Жизнь безъ занятій была, въ свое время, одною изъ побудительныхъ причинъ къ хищничеству.

Таково положеніе чеченца въ семейномъ быту, но не таково положеніе чеченской женщины.

Женщины, напротивъ того, отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ: на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и самыя тяжелыя работы, не исключая полевыхъ.

За всѣ свои труды жена подчинена мужу, какъ своему полновластному господину, въ присутствіи котораго никогда не садится и съ которымъ не раздѣляетъ стола. При разговорахъ мужъ и жена не называютъ другъ друга по имени.

Отецъ есть глава семьи, и воля его священна для жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей, съ которыми онъ держитъ себя весьма серьезно; но онъ полновластенъ надъ сыновьями только въ періодъ ихъ малолѣтства.

Мать, никогда и ни въ какомъ возрастѣ, не имѣла никакой власти надъ дѣтьми. Во многихъ случаяхъ она не пользуется даже и тѣмъ уваженіемъ, которое сама природа вкладываетъ въ человѣка,

какъ къ виновницѣ его существованія. Восьмилѣтній сынъ часто обращается съ матерью съ большимъ пренебреженіемъ и даже цинизмомъ.

Чеченцы, считая дѣтей даромъ Божіемъ, никогда не бьютъ и не бранятъ ихъ, особенно съ тою цѣлію, чтобы не запугать и не сдѣлать съ малолѣтства робкими; но за то впадаютъ въ другую крайность, предоставляя самимъ обстоятельствамъ развитіе дѣтскаго характера и буйныхъ страстей, заключающихся въ ихъ бурной природѣ.

Если дѣти иногда слишкомъ надоѣдаютъ матери и огорчаютъ ее, то она плачетъ, но не тронетъ, не ударитъ ихъ.

Отецъ хотя и обращается съ ними сурово и молчаливо, но не внушаетъ тѣмъ къ себѣ никакого уваженія. Дѣти не называютъ его отцомъ, а величаютъ собственнымъ именемъ, иногда даже шутовскимъ; слова: мать и отецъ не существуютъ въ семейномъ быту чеченца. Сами родители бываютъ часто виновниками развитія дурныхъ качествъ въ своихъ дѣтяхъ.

Отецъ часто подбиваетъ сына на воровство и хищничество. Когда, напримѣръ, созрѣваютъ фрукты, то мальчишки, вмѣстѣ съ взрослыми, какъ бы ученики съ опытными наставниками, собираются по ночамъ на воровство фруктовъ въ садахъ сосѣдей. Предпринявъ предварительно мѣры къ огражденію себя отъ поимки, они рвутъ плоды, а потомъ общею компаніею отправляются куда нибудь въ поле, гдѣ скрытно лакомятся наворованнымъ.

Когда женщина чувствуетъ приближеніе родовъ, мужъ уѣзжаетъ изъ дому и предоставляетъ ухаживать за родильницей родственницамъ или знакомымъ женщинамъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ родовъ, такъ дней черезъ пять, мужъ возвращается домой и не обращаетъ никакого вниманія ни на жену, ни на новорожденнаго, причемъ съ первою онъ даже долгое время не разговариваетъ, въ особенности если жена имѣла несча-

стіе подарить мужа дочкою, а не сыномъ. Рожденіемъ дочери отцы бываютъ крайне недовольны и радуются, когда родится сынъ. Появленіе на свѣтъ младенца мужскаго пола часто служитъ поводомъ къ пиршеству и угощеніямъ въ домѣ отца. Рожденіе мальчика, хотя бы и отъ гяурской плѣнницы, считалось всегда хорошимъ предзнаменованіемъ для семейства. Такъ, одна изъ женщинъ, бывшихъ въ плѣну, вмѣстѣ княгинями Чавчавадзе и Орбеліани, разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ. Едва только жители аула узнали объ этомъ, какъ тотчасъ же на дворѣ раздались выстрѣлы, возвѣстившіе о рожденіи младенца мужскаго пола, въ честь котораго зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ рожденія, младенцу даютъ имя съ нѣкоторою торжественностію.

Дѣти ростутъ безъ всякаго попеченія со стороны родителей и до четырехъ-лѣтняго возраста они ходятъ почти нагія. Съ наступленіемъ четырехъ-лѣтняго возраста ихъ одѣваютъ въ рубашки, а впослѣдствіи даютъ и шаровары, зимою же снабжаютъ и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

Весь костюмъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, по обыкновенію, до невѣроятности грязенъ и особенно грязно нижнее бѣлье; послѣднее, одинъ разъ уже надѣтое, не снимается до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызываетъ накожныя болѣзни и заводитъ миріады насѣкомыхъ.

Женитьбы, совершаемой обыкновеннымъ способомъ, всегда предшествуетъ сговоръ или сватовство. Случалось, въ прежнее время, что родители, еще во время младенчества своихъ дѣтей, обѣщались породниться другъ съ другомъ и, въ залогъ калыма, давали пулю, газырь черкески или нѣсколько денегъ. Дѣти, подростая, мало по малу свыкались съ своимъ положеніемъ.

Желая засватать дѣвушку, родители жениха засылаютъ сватовъ,

которые и дѣлаютъ предложеніе родителямъ дѣвушки выдать ее замужъ. Если родители ея согласны, то призываютъ дѣвушку и спрашиваютъ: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашиваніе составляетъ только форму, требуемую обычаемъ. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, исполняетъ безпрекословно волю родителей, а если и высказываетъ протестъ, то на него не обращаютъ никакого вниманія, развѣ имѣется въ виду другой, болѣе выгодный женихъ, или дѣвушка чувствуетъ видимое отвращеніе къ сватающемуся. Когда согласіе на бракъ состоится, то женихъ дѣлаетъ невѣстѣ подарокъ, состоящій изъ шелковаго головнаго платка и нѣсколькихъ рублей денегъ.

Въ случаѣ отказа родителей выдать свою дочь за человѣка ищущаго ея руки, народный обычай даетъ средство получить дѣвушку и помимо воли ея родителей, съ согласія ея брата. Стоитъ только брату, во время пирушки или обѣда, выпить за здоровье своей сестры съ человѣкомъ, дѣлающимъ ей предложеніе, и принять отъ него подарокъ: тогда сестра его считается засватанною, и онъ обязанъ принудить отца выдать ее именно за того, съ кѣмъ пилъ за ея здоровье. Въ противномъ случаѣ, отдарившій брата преслѣдуетъ его какъ за кровную обиду. Впрочемъ, къ такому страшному обычаю прибѣгаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда уже рѣшительно нѣтъ никакой надежды получить руку дѣвушки по прямому согласію ея родителей.

Чеченскія свадьбы совершаются рано: дѣвушка выходитъ замужъ какъ только исполнится ей двѣнадцать лѣтъ, и самое позднее въ пятнадцать; молодые люди женятся съ наступленіемъ семнадцатилѣтняго возраста. Часто домашнія работы, которыя всѣ лежатъ на обязанности женщины, заставляли родителей, изъ личныхъ выгодъ, удерживать дочь долгое время въ семействѣ и отказывать женихамъ, что было весьма невыгодно для Шамиля, при безпрерывной войнѣ, истреблявшей народонаселеніе въ значительной степени. Для

ГОРОДЪ БАКУ.

искорененія этого зла, имамъ принялъ на себя наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было ни молодыхъ вдовъ, ни пожилыхъ дѣвушекъ.

По народному обычаю, молодой человѣкъ, сдѣлавшись женихомъ, пріобрѣтаетъ уже нѣкоторыя права надъ своею будущею невѣстою. Онъ можетъ отказаться отъ нея, или, по ея просьбѣ, дозволить ей выйти за другаго; но дѣвушка сама собою не можетъ отказаться отъ жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволенія или согласія жениха освободить ее, или чтобы женихъ, заплативъ калымъ, взялъ ее въ жены. Этимъ послѣднимъ правомъ молодые люди нерѣдко пользовались. Разсердившись на свою невѣсту или имѣя въ виду болѣе выгодную свадьбу, молодой человѣкъ нарочно оттягивалъ неопредѣленное положеніе засватанной дѣвушки, и часто, считаясь женихомъ въ одномъ, сватался въ другомъ семействѣ и, получивъ согласіе, сочетался бракомъ съ тою дѣвушкою, съ которою находилъ болѣе выгоднымъ. Впрочемъ, родители первой невѣсты, замѣтивъ уклоненіе жениха, могли сами отказать ему. Подъ предлогомъ того, что дочь молода, или необходима для работы въ семействы, отецъ отвозилъ жениху сдѣланные подарки, возвращалъ калымъ, и тогда дѣвушка, сдѣлавшись свободною, вольна была избрать себѣ другаго.

За четыре дня до свадьбы, невѣсту отводятъ въ домъ родственниковъ жениха, и въ этотъ день ее наряжаютъ, бѣлятъ, румянятъ и выщипываютъ часть бровей, съ цѣлію подравнять ихъ. Нарядъ ея отличается тою изысканностью, которая возможна только по средствамъ и достатку родныхъ, выдающихъ ее замужъ.

По обычаю, женихъ отправляетъ за невѣстою, на арбѣ, какую-нибудь бойкую старуху, отличающуюся своимъ острымъ языкомъ, и съ нею человѣкъ тридцать молодежи, извѣстныхъ своею удалью. Весь этотъ поѣздъ, недалеко отъ дома невѣсты, встрѣчается крикомъ и бранью мальчишекъ, камнями и выстрѣлами. Отшучиваясь и обороняясь какъ кто умѣетъ, посланные подъѣзжаютъ къ дому, и у

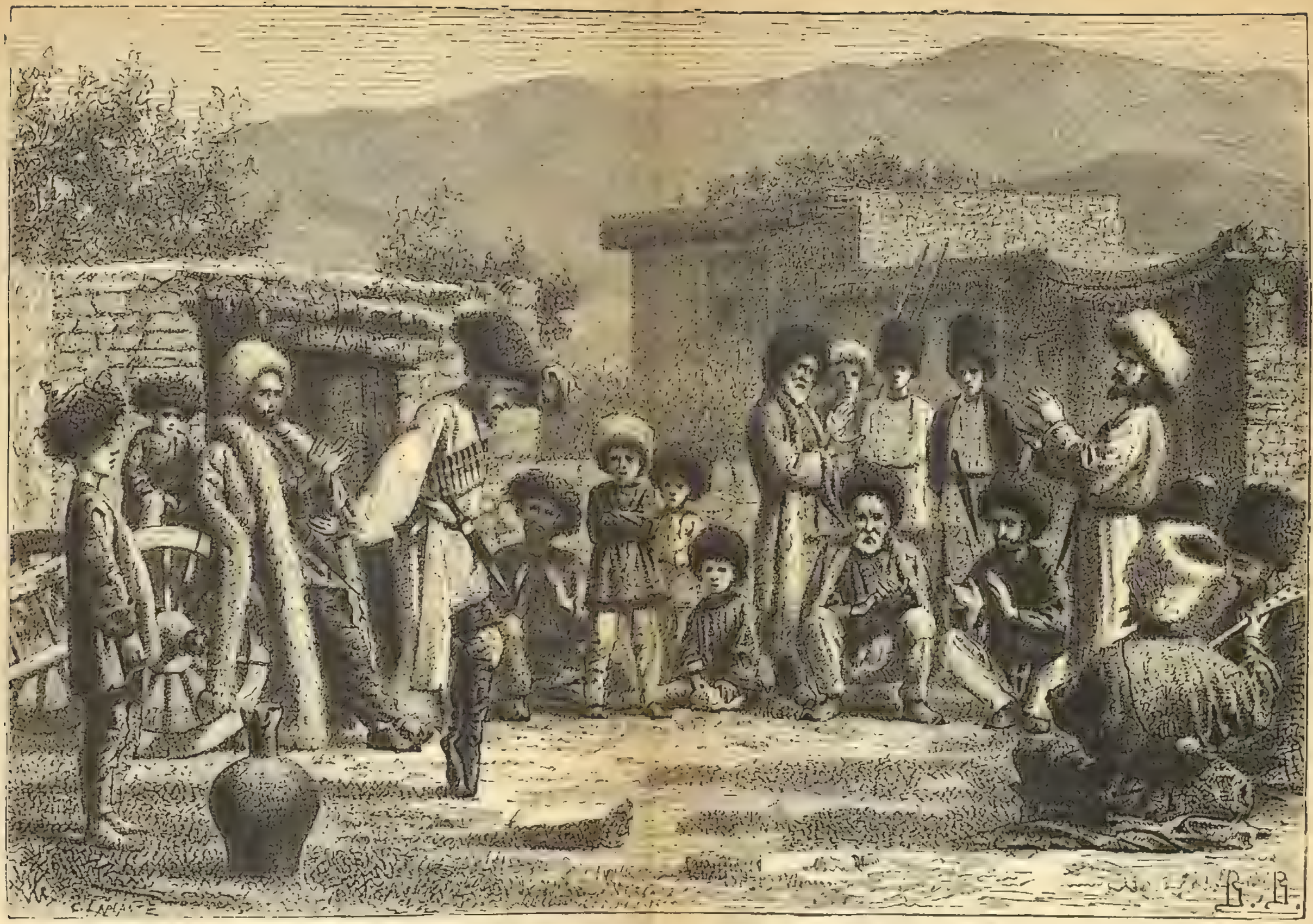
дверей комнаты невѣсты встрѣчаютъ одного изъ ея родственниковъ, который запираетъ передъ ихъ носомъ дверь и требуетъ подарка. Кинжалъ въ руки привратника—и завѣтная дверь растворяется; но тамъ ожидаетъ цѣлая толпа женщинъ, которыя встрѣчаютъ пріѣзжихъ иглами, булавками и ножницами. На нихъ рвутъ черкески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что многіе выходятъ изъ комнаты безъ рукавовъ и полъ платья. Натѣшившись и нашумѣвшись вдоволь, заключаютъ мировую, — и всѣ садятся за угощеніе.

Послѣ угощенія невѣсту сажаютъ на арбу, часто закрытую, и отвозятъ въ домъ жениха, который, по обычаю, долженъ находиться въ это время въ отсутствіи. Толпа односельцевъ сопровождаетъ церемоніальный поѣздъ невѣсты.

Въ саклѣ жениха, въ ожиданіи пріѣзда невѣсты, происходитъ суматоха: варятъ мясо, пекутъ хлѣбъ, убираютъ саклю.

Извѣстіе о томъ, что вдали показалась процессія, производитъ еще большую суматоху въ домѣ. Каждый спѣшитъ привести свое занятіе къ концу, бѣгаютъ, шумятъ, а на порогѣ сакли стелятъ что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходѣ изъ арбы.

Невѣста сходитъ съ арбы. Ловкій джигитъ бросаетъ ей подъ ноги въ одинъ мигъ снятую съ себя черкеску, и получаетъ отъ невѣсты, за такое вниманіе, подарокъ: обыкновенно азіятской собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входитъ въ саклю, и если нѣтъ мужчинъ, то садится; ее встрѣчаютъ радушно съ хлѣбомъ-солью. Вдругъ, среди пира, одинъ изъ присутствующихъ вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ, и въ мигъ пуля сидитъ въ стѣнѣ сакли; за первымъ выстрѣломъ слѣдуетъ второй, потомъ третій, четвертый, и пули сыплятся во всѣ стороны изъ ружей и пистолетовъ. Чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значитъ, болѣе приверженцевъ у молодаго, и тѣмъ краше его невѣста. Звуки выстрѣловъ смѣняются ударами въ бубенъ, тазы, и бойкая лезгинка,



ЛЕЗГИНКА.

сопровождаемая мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши, выходитъ на сцену и завладѣваетъ всеобщимъ вниманіемъ. Не смотря на всѣ усилія, Шамиль не могъ вывести пляску, которая, въ такіе дни какъ свадьба, продолжалась въ теченіи цѣлаго дня; въ ней одинаково принимали участіе какъ мужчины, такъ и женщины.

Въ теченіи трехъ дней происходитъ празднованіе свадьбы въ домѣ жениха; затѣмъ совершается обрядъ вѣнчанія.

На другой день, или нѣсколько дней спустя, послѣ окончанія всѣхъ брачныхъ церемоній, молодая, которая въ это время ничего не работала, не выходила изъ своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блиновъ и кувшинъ, должна идти первый разъ по-воду, и послѣ того уже вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей сопровождаютъ ее съ пѣснями и музыкою на рѣку, гдѣ молодая, проколовъ нѣсколько блиновъ иглою или булавкою, бросаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за однимъ въ воду, и затѣмъ уже черпаетъ ее кувшиномъ. Когда она ставитъ кувшинъ съ водою къ себѣ на голову, раздаются выстрѣлы.

Въ первое время послѣ свадьбы, молодая не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить съ своимъ мужемъ, не только въ присутствіи постороннихъ, но и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ ее только по вечерамъ и почью. Говорить съ отцомъ своего мужа и близкими родственниками, а также видѣться и посѣтить свою мать, она можетъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня замужества.

Когда родственники больнаго видятъ, что наступаетъ его послѣдній часъ, тогда посылаютъ за муллою, который читаетъ надъ нимъ ясынъ — отходную молитву.

Во время чтенія, женщины громко плачутъ, бьютъ себя въ грудь, царапаютъ лицо, рвутъ волосы, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока больной не скончается. Съ его смертію, женщинъ тотчасъ же выгоняютъ изъ комнаты, или силою заставляютъ прекратить опла-

киваніе, какъ выраженіе скорби, совершенно противное духу магометанской религіи.

Мулла, между тѣмъ, приготовляетъ умершаго къ погребенію. Онъ кладетъ его на чистую дубовую доску, беретъ кувшинъ воды и омываетъ тѣло, которое потомъ и обвертываетъ нѣсколькими кусками полотна или бѣлой шерстяной матеріи; иногда же обвертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываютъ на головѣ и ногахъ.

Положивъ вату въ ротъ, глаза и уши умершаго, мулла завязываетъ саванъ двумя неширокими полосами холста, надъ головою умершаго, а другою ниже ногъ его. Приготовленное къ погребенію тѣло оставляется на постели, и родственники тихо его оплакиваютъ.

Печальное извѣстіе о кончинѣ скоро разносится по ауламъ, и всѣ сосѣди изъ окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спѣшатъ къ саклѣ умершаго, при чемъ мужчины-родственники покойнаго обязаны привезти съ собою барана или принести деньги семейству умершаго, иначе оно прекратитъ съ ними всякую родственную связь.

Похороны составляютъ для женщинъ настоящій праздникъ, потому что только по этому случаю имъ дозволяется собираться изъ другихъ ауловъ и составлять свое общество. Отправлялсь въ домъ умершаго, онѣ идутъ отдѣльно отъ мужчинъ и, съ приближеніемъ къ аулу, начинаютъ плакать.

Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокругъ вдовы или матери умершаго и начинаютъ плакать, причемъ вдова царапаетъ себѣ лицо до крови.

Затѣмъ входятъ въ комнату по одному или по два мужчины, молча опускаются они на колѣни передъ вдовою, не произносятъ никакого утѣшительнаго слова и раздираютъ до крови свой лобъ.

Съ появленіемъ крови на лицѣ, встаютъ и, молча, съ поникшею головою, выходятъ на открытый воздухъ.

Поздно вечеромъ возвращаются по домамъ посѣтители, а тѣ, ко-

торые пришли изъ дальнихъ ауловъ, остаются почевать у семейства покойника. Такимъ образомъ, собирается въ домъ семейство покойника каждый день около двухсотъ женщинъ, и этотъ сборъ продолжается три дня, а иногда и цѣлую недѣлю.

Положивъ покойника на арбу, его отвозятъ или относятъ на могилу, согласно требованія мусульманской религіи въ самый день его смерти. Исключеніе дѣлается въ случаѣ неожиданной, скоропостижной смерти, и тогда умершаго хоронятъ въ теченіи трехъ дней, съ тою цѣлію, чтобы дать возможность роднымъ и знакомымъ повидаться въ послѣдній разъ и проститься съ умершимъ, тогда какъ при продолжительной болѣзни, предшествовавшей кончинѣ, прощаніе это совершается при посѣщеніи больнаго.

Послѣ погребенія на самомъ кладбищѣ происходитъ угощеніе. Если въ это время кто-нибудь пройдетъ мимо, то его или приглашаютъ принять участіе въ поминкахъ, или же непремѣнно вынесутъ ему на-встрѣчу чего-нибудь съѣстнаго. Блины составляютъ почти у всѣхъ непремѣнную принадлежность стола во время поминокъ.

На другой день послѣ погребенія, родственники устраиваютъ похоронный пиръ, для котораго рѣжутъ много скотины и барановъ.

Надъ убитымъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, ставился особый знакъ, съ разноцвѣтнымъ флагомъ и съ необыкновенною торжественностію, въ которой участвовали всѣ жители аула.

Нигдѣ не находились въ такомъ почетѣ могилы убитыхъ въ сраженіи съ русскими, какъ въ воинственной Чечнѣ и во всѣхъ остальныхъ владѣніяхъ, подвластныхъ Шамилю.

Безпрерывная и энергическая война, происходившая въ Чечнѣ, причинила ей большія потери. Существованіе множества кладбищъ на равнинѣ и въ горахъ, на высотахъ и по ущельямъ, остались теперь безмолвными свидѣтелями множества павшихъ жертвъ, надъ которыми виднѣются многочисленныя группы памятниковъ съ копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженныхъ копьями

и развѣвающихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Вся Чечня — Большая, Малая и Нагорная—наполнены этими нѣмыми памятниками потерь горцевъ и ихъ отчаянной борьбы съ русскими. Всѣ эти памятники придаютъ странѣ какой-то грустно-величественный характеръ. Подъ ними схоронены лучшіе и самые храбрѣйшіе люди, потому что народъ не каждому убитому ставилъ подобный памятникъ; а чтобы имѣть право на этотъ почетный знакъ, составлявшій высочайшую награду смѣлому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ. Церемонія вооруженія такого копья съ флюгеромъ на могилѣ шагида была чрезвычайно величественна и разсчитана такъ, чтобы въ каждомъ присутствующемъ возбудить храбрость и самоотверженіе.

Шамиль хорошо понималъ, какъ сильно дѣйствуетъ подобная церемонія на духъ чеченцевъ, поощрялъ и поддерживалъ эти обряды. Въ Ичкеріи почти при каждомъ аулѣ есть цѣлыя группы шагидовъ, вѣющихъ своими разноцвѣтными флюгерами. Самъ имамъ, какъ бы въ примѣръ другимъ, поставилъ памятникъ съ великолѣпнымъ шагидомъ нѣкогда знаменитому въ Чечнѣ наибу Шуаинъ-муллѣ.

Могилы умершихъ пользуются большимъ уваженіемъ у чеченцевъ. Отправляясь на работу, они заходятъ на кладбище поклониться праху родственника. Возвращаясь же съ работы, если съ покосу, то кладутъ на могилу клочекъ травы, а при уборкѣ хлѣба или при посѣвѣ—сыплютъ на могилу зерна.

II. ЛЕЗГИНЫ.

Характеръ страны и народа.

Собственно говоря, слово лезгинъ неизвѣстно туземцамъ, и ни одно мельчайшее общество не называетъ себя этимъ именемъ. По объясненію нѣкоторыхъ лицъ, слово лезгинъ на турецкомъ языкѣ означаетъ «горскій житель».

Это есть общее названіе, не принадлежащее исключительно какой-либо націи. Другіе говорятъ, что лезгинъ значитъ разбойникъ хотя и неизвѣстно на какомъ языкѣ. Наконецъ, третьи называютъ многія общества, населяющія Дагестанъ, тавлинцами.

Первое мѣсто въ Дагестанѣ, по числу населенія или, лучше сказать, по единоплеменности, принадлежитъ аварскому племени.

Аварское племя дробится на множество отдѣльныхъ обществъ, бывшихъ нѣкогда вольными, а впослѣдствіи подчинившихся частію Россіи, а частію подпавшихъ подъ власть Шамиля.

Самую сѣверо-западную часть Дагестана, занятую аварскимъ племенемъ, составляетъ Салатавія или Салатау. Салатавцы народъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ рыжими волосами и голубыми глазами. Они считались всегда народомъ хищнымъ, энергичнымъ и кровожаднымъ.

Непосредственно къ Салатавіи примыкаетъ Гумбетъ, а къ югозападу отъ Гумбета—лежитъ Андія. Андійцы говорятъ своимъ особымъ языкомъ, народъ воинственный и считались однимъ изъ храбрыхъ въ Дагестанѣ. Андійцы разводятъ овецъ, и по своему достоинству андійскія бурки славятся не только въ Дагестанѣ, но и среди сосѣднихъ племенъ, и уступаютъ въ достоинствѣ только абхазскимъ и кабардинскимъ.

Непосредственно къ гумбетовцамъ примыкали койсобулинцы, а рядомъ съ ними лежитъ Аварское ханство.

У восточнаго истока Андійскаго Койсу, по сосѣдству съ тушинами, занимающими котловину западнаго истока этой рѣки, поселилось общество Дидо, или Цунта, народъ неуклюжій, грубый и дикій. Дидойцы сами себя называютъ цеза, т. е. орлы, хотя съ виду вовсе не похожи на нихъ. «По виду, говоритъ Н. И. Вороновъ, они гораздо правильнѣе цунта, т. е. оборванцы, какъ ихъ и величаютъ неделикатные сосѣди. Но, можетъ быть, орлами они называютъ себя потому, что селенія ихъ, какъ орлиныя гнѣзда, расположены на значительной высотѣ въ сравненіи съ другими поселеніями дагестанцевъ; ихъ угодья—альпійская луговая полоса горъ». Дидойцы живутъ въ котловинѣ, образуемой двумя снѣговыми хребтами.

Большая часть народонаселенія Дагестана принадлежитъ къ аварскому или лезгинскому племени, населяющему почти всю западную часть его.

Провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю, вслѣдствіе долгаго тамъ владычества персіянъ, утратили во многомъ первобытный характеръ, смѣшались съ персіянами и отличаются нѣсколько въ образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ отъ жителей горъ.

Что касается до языка, то едва-ли найдется такой край, въ которомъ бы, подобно Дагестану, на столь незначительномъ пространствѣ, было-бы такое разнообразіе нарѣчій.

Почти каждое общество, владѣніе и даже селеніе или аулъ—имѣ-

ЛЕЗГИНЪ ХАДЖИ МУРТУЗЪ.

ютъ свое нарѣчіе, а нѣкоторые аулы говорятъ даже языкомъ, непонятнымъ для сосѣдей. Такъ напримѣръ, селеніе Инухъ, Дидойскаго общества, состоящее только изъ 30 семействъ, и селеніе Арчи, въ 170 дворовъ, находящееся въ Казикумскомъ округѣ, говорятъ каждое на особомъ языкѣ, понятномъ только имъ однимъ.

Сами дагестанскіе горцы не могутъ опредѣлить положительной границы между племенами и обществами, и никто прежде не зналъ съ достовѣрностію, гдѣ кончаются владѣнія одного общества и начинаются другаго, потому что не находилось охотниковъ спорить за голыя, безплодныя скалы и за хребты горъ, пересѣкающіе ихъ владѣнія по всѣмъ направленіямъ. Камни же, на которыхъ можетъ держаться земля для посѣвовъ, или лоскутъ лужайки, поросшей травою, были причиною нескончаемыхъ споровъ и даже убійствъ.

Лѣсъ составляетъ рѣдкость въ горахъ Дагестана и крайне бережется жителями. Какъ драгоцѣненъ лѣсъ, можно судить изъ того, что въ Аваріи однимъ изъ жестокихъ наказаній было разореніе нѣсколькихъ комнатъ у провинившагося. Хотя дома тамъ всѣ каменные, но лѣсъ необходимъ для балокъ, настилки потолка и для дверей, и обыкновенно проходилъ годъ, два и даже нѣсколько лѣтъ, пока разоренный соберется со средствами, чтобы отстроить свой домъ. Вотъ причина, по которой въ Дагестанѣ разореніе нашими войсками селеній составляло существенное наказаніе для жителей.

Сложенные изъ бревенъ и камня, и охваченные огнемъ, дагестанскіе дома превращаются въ груды мусора, который несравненно труднѣе и убыточнѣе разобрать и употребить на постройку сакли, чѣмъ заготовить новый матеріалъ. Съ разореніемъ дома, горецъ становился нищимъ, въ полномъ значеніи этого слова.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ сосны и березы, растутъ на крутыхъ и высокихъ скалахъ, пересѣкаемыхъ глубокими ущельями, словомъ сказать, въ такихъ трущобахъ, изъ которыхъ добываніе его крайне затруднительно, часто сопряжено съ опасностями жизни,

а зимою и положительно невозможно. Лѣсъ растетъ на такихъ мѣстахъ, что врядъ-ли когда нибудь будетъ возможно имъ пользоваться.

Хлѣбопашество, отъ постоянныхъ вторженій непріятеля и неимѣнія удобной земли, находится въ весьма плачевномъ положеніи. Произрастаніе хлѣбовъ и травъ удовлетворительно только на низменностяхъ, въ ущельяхъ и на покатостяхъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу, южные склоны песчаны и неплодородны. Скалистая природа причиною того, что во многихъ мѣстахъ горцамъ приходится присыпать земляныя площадки и обработывать ихъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земли недостаетъ даже и на то, чтобы присыпать такую площадку, и тогда туземцы присыпаютъ землю, смѣшанную съ камнемъ. Присыпка эта производится такъ: параллельно къ отлогой горѣ выстраивается, по возможности, длинная, каменная стѣна на глинѣ, вышиною отъ 1 до 2 саж., а шириною въ полсажени. Пространство между стѣною и отлогостію горы засыпается землею, взятою съ той же горы и утрамбованною; она-то и составляетъ площадь или пахатное поле горца. Нѣсколько такихъ площадокъ, устроенныхъ на одной и той же горѣ, уступами въ видѣ лѣстницы орошаются весьма искусно водою, проводимою изъ рѣкъ и родниковъ, и даютъ довольно сносный урожай.

Скотоводство также находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Рогатый скотъ мелкій и худой. Хозяинъ не заботится объ уходѣ за нимъ, и совершенно равнодушно смотритъ, какъ его скотъ худѣетъ и едва волочитъ ноги.

Овецъ держатъ въ значительномъ количествѣ, большею частію только богатые, а бѣдные имѣютъ по нѣсколько штукъ и круглый годъ содержатъ на подножномъ кормѣ, подъ надзоромъ пастуховъ, нанятыхъ цѣлымъ ауломъ. Лошади мелки, некрасивы, но сносны въ ѣздѣ; ихъ держитъ не всякій. Для перевозки тяжестей на вьюкахъ по горамъ, держатъ эшаковъ, или мелкихъ ословъ, которые подни-

ваютъ отъ 3 до 5 пудовъ груза. Эшакъ чрезвычайно сносливъ, хозяинъ почти его не кормитъ въ теченіи года, и онъ самъ себѣ отыскиваетъ пищу и въ навозѣ, и подъ снѣгомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана жители занимаются садоводствомъ, и въ садахъ встрѣчаются яблоки, груши, сливы, виноградъ, персики, абрикосы, черешни, грецкіе орѣхи, инджирь и миндаль. Плоды эти большею частію потребляются на мѣстѣ, или продаются и вымѣниваются на другія произведенія земли, въ ближайшихъ городахъ, или же на издѣлія жителей тѣхъ селеній, которыя не занимаются садоводствомъ.

Всѣ дагестанцы, за немногими исключеніями, магометане-сунниты, но въ двѣнадцати верстахъ отъ селенія Ахты находится селеніе Мескенджи, населенное магометанами-шіитами. Вначалѣ существовала довольно сильная вражда между этими двумя селеніями, доходившая до употребленія оружія и кровопролитія. Послѣ значительной потери, оба селенія, имѣя равныя силы, заключили между собою условіе и поклялись ненавидѣть другъ друга въ душѣ, но никогда не ссориться между собою. Условіе это соблюдается не только свято между жителями обоихъ селеній, но даже ахтинцы не позволяютъ сосѣдямъ обижать мескенджинцевъ и обратно.

Среди джаро-бѣлаканскихъ лезгинъ исповѣдуютъ христіанскую религію ингилойцы, принадлежащіе къ грузинской народности, но порабощенные лезгинами при водвореніи послѣднихъ на земляхъ нѣкогда принадлежавшихъ Грузіи. Хотя нѣкоторые изъ ингилойцевъ и вынуждены были принять исламъ, но за то многіе, въ теченіи трехъ столѣтій, не забыли вѣры предковъ. Они соблюдали посты въ установленные дни, молились въ стѣнахъ старыхъ церквей, хранили у себя, какъ святыню, евангеліе, чаши и прочіе священные предметы, и, для совершенія разныхъ требъ тайно приглашали къ себѣ грузинскихъ священниковъ изъ ближайшаго Сигнахскаго уѣзда.

Переодѣвшись въ лезгинскій костюмъ, пробирались по ночамъ пастыри церкви въ дома ингилойцевъ, гдѣ крестили ихъ дѣтей и совершали другія таинства.

Будучи мусульманами, лезгины придерживаются въ большинствѣ сунитскаго толка, а ихъ суевѣріе и вообще обряды весьма сходны съ тѣмъ же у другихъ сосѣдей ихъ и въ особенности чеченцевъ. Поэтому въ настоящемъ очеркѣ мы объ этомъ говорить не будемъ, а остановимся только на наиболѣе характеристичныхъ сторонахъ быта.

Не смотря на всеобщую бѣдность и неопрятность, горецъ смотритъ гордо и весело. Онъ крѣпкаго тѣлосложенія, преимущественно средняго роста, сухощавъ, смуглъ и черноволосъ. Суннитъ брѣетъ голову, шіитъ же пробриваетъ широкую полосу, отъ лба до затылка и до самой шеи, оставляя только съ боку головы, подлѣ ушей, длинныя пряди волосъ. Обѣ секты ровно подстригаютъ бороду и весьма рѣдко брѣютъ ее; мюриды носили бороду треугольникомъ. Люди, имѣющіе значеніе въ обществѣ, и почетные старики красятъ бороду и ногти хной въ шафранный цвѣтъ. Джаро-бѣлаканцы имѣютъ черты лица весьма пріятныя, носъ умѣренный, губы небольшія, волосы гладкіе. Они стройны, цвѣтъ кожи у мужчинъ смуглъ, у женщинъ—бѣлъ и нѣженъ.

Горецъ вспыльчивъ, мстителенъ и помнитъ обиду долго, смышленъ, хитеръ, лукавъ, корыстолюбивъ и охотникъ до кляузъ.

Вообще въ характерѣ горца есть много хорошаго, но за то есть много и дурнаго, и послѣднее едва-ли не превышаетъ первое. Народъ обладаетъ большими умственными способностями, но употребляетъ ихъ на дурные поступки. Прикинувшись святошею, человѣкомъ благонамѣреннымъ и добродѣтельнымъ, онъ дѣлаетъ это такъ ловко, что часто приводитъ въ смущеніе и обманываетъ своихъ земляковъ. Всѣ человѣческіе недостатки и пороки особенно рельефно высказываются здѣсь потому, что никто не считаетъ нужнымъ скры-

вать ихъ отъ постороннихъ, никто не стыдится своихъ слабостей. Все это, конечно, происходитъ отъ необразованности и невоспитанія. Единственное образованіе, которое получаютъ дѣти, есть умѣнье читать коранъ и его толкованія. Рѣдко можно встрѣтить лицъ, занимающихся ремесломъ, но и эти лица самоучки. Желаніе пріобрѣсти легкимъ способомъ средство къ пропитанію сдѣлало горца вкрадчивымъ, приторно-льстивымъ и завистливымъ. Если онъ не видитъ, что вы можете быть ему полезны, онъ держитъ себя относительно васъ гордо; но если онъ разсчитываетъ на васъ, надѣется получить какую-либо выгоду, то унижается до того, что не только обнажитъ передъ вами бритую свою голову, но будетъ цѣловать руки, не отличая раба отъ господина или гяура отъ мусульманина. Если при этомъ разсчеты его окажутся невѣрными, и человѣкъ, на содѣйствіе котораго онъ разсчитывалъ, окажется безсильнымъ для осуществленія его корыстолюбивыхъ видовъ, то онъ, какъ бы въ отмщеніе за свое напрасное униженіе, отплачиваетъ ему презрѣніемъ, бранью и насмѣшками. Зависть горца не имѣетъ границъ, и изъ-за нея онъ готовъ причинить всевозможное зло даже и ближайшему своему родственнику.

Движенія горца мягки и быстры, походка рѣшительная и твердая, словомъ, во всемъ видна гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Особенно, если онъ богатъ, обвѣшанъ оружіемъ, блестящимъ серебромъ, если на немъ надѣтъ богатый лезгинскій нарядъ: чоха, обшитая серебряными галунами, шелковый архалукъ, широкія шаровары, сапоги съ большими загнутыми носками и черная баранья шапка, да если ко всему этому онъ сидитъ на добромъ конѣ, то нельзя не любоваться его рыцарскимъ видомъ. Къ сожалѣнію, богатство и опрятность въодеждѣ весьма рѣдко встрѣчаются между горцами.

На сколько костюмъ лезгина отличается отъ костюма чеченца, видно изъ приложеннаго рисунка. Поэтому мы здѣсь не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ.

На сколько костюмъ мужчины приноровленъ къ тому, чтобы обнаружить всѣ физическія достоинства, на столько же костюмъ женщины неудобенъ, неловокъ, скрадываетъ всю ея красоту и стройность.

Драгоцѣнности и украшенія женщинъ заключаются въ серьгахъ, браслетахъ и перстняхъ, дѣлаемыхъ изъ серебра и не лишенныхъ нѣкотораго вкуса. Имѣя по большей части видъ полулунія, серьги цѣнятся тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ тяжелѣе, а потому онѣ не только оттягиваютъ уши, но встрѣчаются дѣти, у которыхъ уши прорваны тяжестью серегъ. Браслеты точно также массивны, дѣлаются на подобіе той желѣзной витой цѣпи, которая употребляется часто на лошадиныхъ уздечкахъ; запонки ихъ имѣютъ видъ большихъ печатей и надѣваются часто по три штуки, и такъ, чтобы запонки находились въ одной линіи. Нѣкоторыя носятъ янтарныя четки, а люди бѣдные дѣлаютъ ихъ изъ гороху и бобовъ.

Утромъ и въ обѣденную пору мужчина не прихотливъ, но за то требуетъ отъ хозяйки, чтобы ему былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ обыкновенное время, днемъ, горцы не ѣдятъ ничего теплаго, только въ холодное время они употребляютъ теплую пищу. Возставъ отъ сна, онъ завтракаетъ или, лучше сказать, пьетъ воду, смѣшанную съ поджаренною пшеничною мукою; во время обѣда ѣсть, что случится, а иногда ограничивается однимъ чуреком или толокномъ, къ которому прибавляетъ немного молока, сыворотки или просто воды; вечеромъ же хозяинъ требуетъ, чтобы былъ приготовленъ хинкалъ. Самую употребительную пищу горца составляетъ чуреки, хинкалъ, кукуруза и проч. Хозяйка беретъ ячменную, кукурузную или, очень рѣдко, пшеничную муку и мѣситъ тѣсто, изъ котораго приготовляетъ круглыя лепешки и нѣчто въ родѣ широкой лапши.

Кукурузу ѣдятъ вареную съ солью. Отправляясь изъ дому или въ походъ, горецъ беретъ съ собою чуракъ и муку, поджаренную на сковородѣ; за неимѣніемъ и этого, въ случаѣ продолжительнаго похода, онъ довольствуется нѣсколькими листьями растенія, похожаго

на щавель. Мясо и курдюки сала занимаютъ потное мѣсто въ жизни горца. Изъ продуктовъ этого рода приготояются кушанья только у самыхъ богатыхъ, или во время роскошныхъ обѣдовъ. Мясо составляетъ рѣдкость въ пищѣ бѣднаго жителя и варится только тогда, когда пожелаетъ того глава семейства безъ разрѣшенія котораго жена не смѣетъ распоряжаться въ хозяйствѣ и самою бездѣлицею. Въ то время, когда жена вѣшаетъ на онь котелъ, мужъ, лѣниво развалившись возлѣ камина или очага, указываетъ ей на висящій на гвоздѣ кусокъ мяса, курдюка или колбасы. Она подаетъ ему, а онъ, не нарушая своего спокойствія, отрезавъ сколько нужно и, повертѣвъ его предъ огнемъ, чтобы опалить шерсть, рѣжетъ на куски и, сосчитавъ ихъ, опускаетъ съ молитвою въ котелъ собственноручно.

Хозяйки дома пользуются этимъ случаемъ передъ тѣмъ, какъ снять котелъ съ очага, собираютъ ложкою весь жиръ, образовавшійся на верху навара. Жиръ этотъ выливается потомъ въ чашки и, застывшій, употребляется для намазыванія головъ правовѣрныхъ послѣ бритья, для смазыванія рукъ, ногъ, ржаной обуви, а иногда, смѣшанный съ толокномъ, составляетъ лакомство для дѣтей, мало знакомыхъ со вкусомъ мяса.

Употребляютъ въ пищу иногда и конину, но лошадь свою хозяинъ рѣжетъ только тогда, когда она заболѣетъ такъ, что ей не останется прожить болѣе четверти часа; быковъ рѣжутъ только извѣстные богачи, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Пьютъ бузу и угощаютъ ею гостей. Буза противный, но опьяняющій напитокъ; она приготовляется изъ ячменнаго солода.

Какъ умѣренъ въ пищѣ горецъ въ обыкновенное время, такъ, напротивъ того, въ гостяхъ онъ съѣдаетъ огромное количество, чему способствуютъ, конечно, и сами хозяева

Въ гостѣ каждый видѣлъ собственное развлеченіе, источникъ новостей, которыя могъ сообщить пріѣзжій и удовлетворить любо-

нитство хозяи. Всѣ такія новости сносились потомъ въ общую кучу, на аульной сходкѣ, и дѣлались достояніемъ всѣхъ одноаульцевъ.

Большую часть лезгинскихъ ауловъ окружаютъ голыя скалы, приближаясь къ которымъ, гдѣ нибудь на пригоркѣ, видна скученная масса сѣрыхъ каменно-деревянныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна надъ другою, безъ внутреннихъ дворовъ. Изъ каждой клѣтушки глядитъ нѣсколько миніатюрныхъ отверстій, то круглыхъ, то четырехъ-угольныхъ—то окна безъ рамъ, переплетовъ и безъ стеколъ. Они служили нѣкоторыя и амбразурами, такъ что брать съ боя кучку сѣроватыхъ сакель аула было все равно, что брать крѣпость. Улицы ауловъ Дагестана чрезвычайно извилисты, узки, круты и состоятъ часто изъ ступенекъобразуемыхъ изъ безпорядочно набросанныхъ каменьевъ, острыхъ шероховатыхъ. При встрѣчѣ двухъ человѣкъ въ такой улицѣ, имъ трудно разойтись иначе, какъ повернувшись бокомъ; а улица, по которой можетъ проѣхать одна повозка, считается уже весьма широкою. Причиною такой тѣсноты улицъ бываетъ часто сбоку обрывъ въ нѣсколько саженъ, не дозволяющій сдѣлать ихъ болѣе широкими. Грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность ауловъ; даже общественныя зданія, какъ напримѣръ мечети, содержатся неопрятно. Всѣ дома построены сжато: одинъ прилѣпленъ къ другому.

Стараясь укрыть свои дома отъ непогоды, жители, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагали свои деревни на такой мѣстности, которая могла бы представить наиболѣе выгодъ при оборонѣ отъ вторгающагося непріятеля. Отъ этого деревни ихъ или спустились въ глубокіе овраги, гдѣ прикрываются навѣшими скалами, то тянутся не вдоль подошвы горъ, а по скату ея, и лѣпятся одна надъ другою въ видѣ амфитеатра, или, наконецъ, пріютились на такой крутой возвышенности, что доступъ къ ней весьма затруднителенъ.

Мѣста аула, доступныя непріятелю, закрывались каменною стѣ-

ЛЕЗГИНСКІЙ АУЛЪ.

ною съ бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стѣну замѣнялъ простой плетень изъ хвороста, перевитаго въ два ряда и вооруженнаго колючками. Въ стѣнѣ, окружающей аулъ, располагались ворота, для выѣзда въ поля или сосѣдніе аулы; со сторонъ же, не подверженныхъ непріятельскому нападенію, ни воротъ, ни стѣнъ не было.

Въ послѣднее время горцы, и въ особенности даргинцы и мехтулинцы, стали устраивать сторожевыя башни, на подобіе нашихъ казацкихъ вышекъ. Башни эти строились на такихъ мѣстахъ, откуда можно было видѣть окружающую мѣстность на значительное разстояніе, и занимались днемъ и ночью карауломъ изъ ближайшихъ ауловъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, сакли и всѣ надворныя службы строятся изъ камня и глины, а другія просто сложены изъ камня безъ глины. При недостаткѣ камня строятъ изъ нежженнаго кирпича, а въ мѣстахъ лѣсистыхъ плетутъ изъ хвороста, обмазаннаго внутри и снаружи глиною.

Строеніе горца разгораживается и въ верхнемъ этажѣ на отдѣльныя продолговатыя комнаты, величина которыхъ совершенно зависитъ отъ произвола хозяина, и бываетъ отъ четырехъ до двухъ саженъ въ длину и отъ пяти до трехъ арш. въ ширину. Въ одной такой комнатѣ помѣщается все семейство хозяина, въ другихъ женатые сыновья, каждый отдѣльно, и затѣмъ всѣ прочія помѣщенія служатъ складомъ грушъ, яблокъ, разныхъ овощей и другихъ произведеній сельскаго быта. Тутъ же въ углу наложены серпы, топоры, кирки, шерстяныя веревки, ремни и прочее.

Окна дѣлаются въ стѣнѣ, выходящей на дворъ, весьма малы и не имѣютъ стеколъ, а закрываются изнутри ставнями или рамами со сквозною рѣшеткою, иногда съ узорчатою рѣзьбою, выкрашенною яркими цвѣтами. Двери, хотя и двухстворчатыя, но, по большей ча-

сти, очень низки, притворяются съ внутренней стороны и не имѣютъ запоровъ.

Одна изъ комнатъ оставляется свободною, лучше другихъ убранная и покрытая паласами, или коврами; она называется кунахскою и служитъ для пріема гостей.

Нѣтъ дома сколько нибудь зажиточнаго горца, въ которомъ бы не было подобія балкона—навѣсъ, поддерживаемый стойками, утвержденными въ землѣ. Внутренность же жилища имѣетъ сходство съ жилищами и другихъ горцевъ.

Горецъ спитъ на полу, стаскиваетъ туда тюфяки и подушки, раздѣвается до-гола, не снимаетъ только папахи, и прикрывается одѣяломъ изъ бумажной набойки, подложенной бараньею шерстью. На балконѣ ставятъ деревянную, грубой работы, кровать, на которой всегда лежитъ тюфякъ и подушка, на которыхъ отдыхаетъ лѣтомъ хозяинъ въ теченіи дня.

Столбы, подпирающіе потолокъ и часть стѣнъ, увѣшиваются оружіемъ, большими овчинными шубами, новыми и старыми, и маленькими ночными папахами изъ бараньей шкуры; неподалеку отъ двери, на поперечной стѣнѣ, висятъ два мѣдные таза, которые часто во время пирушекъ служатъ музыкальными инструментами и подносами.

Общественный и семейный бытъ.

Жизнь горца проходитъ однообразно, скучно и, по большей части, безплодно. Повсюду видно какое-то наводящее тоску спокойствіе, и въ цѣломъ селеніи не замѣтно никакого движенія, не слышно ни пѣсни, ни музыки—точно все вымерло подъ вліяніемъ деспотическаго гнета Шамиля, преслѣдовавшаго всякое проявленіе веселости. Горецъ проводилъ свое время или въ кунакской среди гостей,

или на общественной сходкѣ. Гостепріимство между лезгинами развито не менѣе, чѣмъ у другихъ горскихъ народовъ.

Въ каждомъ селеніи есть непремѣнно гудекань, или площадка съ выстроеннымъ въ углу навѣсомъ, подъ которымъ въ назначенные дни собирается сельское общество для совѣщаній, и гдѣ, за отсутствіемъ его, ежедневно съ утра и до вечера сидятъ бѣлобородые старцы, поучающіе молодежь, занятые серьезнымъ разговоромъ или передачею другъ другу новостей. Многіе приходятъ сюда съ самаго ранняго утра, какъ только будунъ (помощникъ муллы) призоветъ народъ къ молитвѣ.

Проспувшись раньше всѣхъ, передъ утреннею зарею, будунъ взбирается на плоскую крышу мечети и громогласно, на-распѣвъ, предупреждаетъ правовѣрныхъ.

Призывъ будуна служитъ сигналомъ къ потягиванію, ворочанію съ бока на бокъ и зѣванію, передающихся изъ одной сакли въ другую. Женщины торопливо вскакиваютъ съ своей постели и, нашептывая молитву, снимаютъ со стѣны мѣдные или деревянные тазы такой величины, что два человѣка могутъ свободно усѣсться въ нихъ. Наливъ въ нихъ нагрѣтую воду, чета правовѣрныхъ полощится въ тазахъ и, не стараясь смыть съ себя потъ и грязь, ограничивается обливаніемъ семи членовъ. Бѣдные, не имѣющіе подобныхъ тазовъ, спѣшатъ въ куллу *), общественную ванну, устроенную подлѣ мечети, а зимою обливаются изъ кувшиновъ въ своихъ сараяхъ.

Торопливо окончивъ, послѣ тѣлеснаго очищенія, утреннюю молитву, только нѣкоторые изъ мужчинъ, преимущественно люди пожилые и старики, принимаются за чтеніе корана; всѣ же остальные закутываются въ свои сагулы—широкіе, длинные безъ рукавовъ шубы,

*) Куллою называется комната, устроенная для молитвы внѣ деревни или подлѣ мечети, и по срединѣ которой сдѣланъ бассейнъ для омовенія.

и засыпаютъ, предоставляя женщинамъ хлопотать по хозяйству. Послѣднія принимаются за ежедневныя работы.

Зимою, во время сильныхъ морозовъ, никто не показывается на улицѣ, пока не проглянетъ солнце; но едва оно покажется, какъ все населеніе, отъ мала до велика, высыпаетъ на крыши сакель, стараясь подставить свои бока подъ согрѣвающіе лучи солнца.

Солнечная теплота располагаетъ горцевъ къ пріятнымъ занятіямъ, состоящимъ исключительно въ самоочищеніи и изгнаніи изъ своего костюма насѣкомыхъ.

Въ такое время дня и при солнечномъ освѣщеніи, почти на каждой крышѣ можно видѣть группы сидящихъ и полулежащихъ горцевъ, мужчинъ и женщинъ, занимающихся разсматриваніемъ своего костюма.

Горецъ, почувствовавшій надоѣдливаго насѣкомаго, въ какой-бы то ни было части своего туалета (а нужно замѣтить, что все платье горца, начиная отъ нижняго до папахи, отъ лѣтняго до зимняго, изобилуетъ множествомъ этого рода насѣкомыхъ), не стѣсняясь ни мѣстомъ, гдѣ открылъ маленькаго врага, ни мѣстомъ гдѣ самъ находится, ни чьимъ бы то ни было присутствіемъ, исключая, разумѣется, русскаго начальника, немедленно дѣлаетъ повальный обыскъ—и найденное насѣкомое тутъ же всенародно наказывается. Послѣ этой операціи онъ преспокойно поплевываетъ на ногти большихъ пальцевъ и указательными обтираетъ ихъ. Соскучась и этимъ занятіемъ, горецъ передаетъ свою рубаху женѣ для починки, если таковая требуется. Жена, рекогноцируя съ тою же цѣлію заповѣдныя части своего туалета или держа разостланную на колѣняхъ свою рубаху и оставаясь по поясъ ничѣмъ не покрытою, немедленно оставлятъ свое занятіе и принимается чинить мужнино бѣлье.

Подобное занятіе женщины тѣмъ болѣе интересно, что она, во время владычества Шамиля и господства шаріата, оставаясь по

ДЕРБЕНТЪ.

поясъ совершенно голою, старалась закрыть свое лице, чтобы не соблазнить правовѣрныхъ мужскаго пола.

Одновременно съ этимъ, на крышѣ сосѣдней сакли, туземецъ, смотрясь въ зеркало, выщипываетъ на бородѣ и щекахъ волосы, или производитъ ту же операцію надъ товарищемъ, лежащимъ къ верху лицомъ. Дочь заботливо осматриваетъ волосы своей матери и для этого кладетъ ея голову на свои колѣни, или осматриваетъ рубаху своего отца, который, надѣвъ на голое тѣло овчинную шубу, занимается осматриваніемъ своего папаха. Болѣе религіозные люди, перебирая четки и поднявъ къ верху лицо, съ закрытыми глазами, безсознательно, нашептываютъ молитву; наконецъ нѣкоторые, растянувшись во всю длину, сладко дремлятъ подъ лучами зимняго солнца.

Тихо въ воздухѣ, еще тише въ аулѣ; каждый занятъ своимъ дѣломъ на столько, что, повидимому, никто не рѣшится перемѣнить мѣста или нарушить пріятное для него занятіе, исключительно посвященное собственному тѣлесному очищенію. Такова картина мирныхъ занятій горца. Въ прежнее время однообразіе это нарушалось изрѣдка бранною жизнью. Тогда случалось, что извилистые переулки и крутыя околицы селенія наполнялись толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные жарили на открытомъ воздухѣ шашлыкъ, другіе стоятъ возлѣ, третьи сидѣли или бродили вокругъ своихъ коней. Всѣ они одѣты бывали въ буркахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ кинжалами и пистолетами за поясомъ. Одежда ихъ не отличалась ни тонкостію, ни опрятностію, но за то каждый оборванный горецъ, сложивъ руки на-крестъ или взявшись за рукоять кинжала, или наконецъ, опершись на ружье, стоялъ такъ гордо, какъ будто былъ властителемъ вселенной, попираемой его ногою.

Вся толпа эта собиралась, бывало, съ разныхъ сторонъ послѣ ночнаго набѣга, и если случалось, что привозила съ собою русскаго плѣннаго, то онъ становился предметомъ всеобщаго любопытства:

его щупали, осматривали и разспрашивали о мастерствѣ какое онъ знаетъ, о числѣ русскихъ войскъ и намѣреніи ихъ. Нѣкоторые кичились своею храбростію и прославляли свою независимость.

«Съ тѣхъ поръ, говорили они, напримѣръ, какъ солнце блеститъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе вздумали удержать рѣшетомъ Койсу нашу; пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики.... милости просимъ! Хотя бы у каждаго изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не вынести бы вамъ назадъ пары языковъ, чтобы разсказать своимъ о горскомъ угощеньѣ. У насъ мало мѣсто подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами».

Въ домашнемъ быту лезгины чрезвычайно неопрятны, носятъ бѣлье и платье до износа и перемѣняютъ его или, лучше сказать, замѣнятъ новымъ только тогда, когда оно, какъ говорится, свалится съ плечъ. О мытьѣ бѣлья они не имѣютъ поплтія, и запаса платья, на случай перемѣны, не имѣютъ; оттого къ одеждѣ ихъ или постели невозможно прикоснуться: тамъ цѣлый рой вшей. Новое платье шьютъ тогда, когда старое такъ изорвется, что носить его уже нѣтъ возможности. Но прежде чѣмъ надѣть новый платокъ или рубаху, хозяйка кладетъ ихъ въ котелъ, примѣшиваетъ туда золы и сала и, такимъ образомъ, превращаетъ свой новый костюмъ въ грязную сальную тряпку, которую и надѣваетъ затѣмъ на свое тѣло. Предварительная операція эта производится потому, что если женщина надѣнетъ чистый новый платокъ или рубаху, то злые языки скажутъ: «она чиста оттого, что владѣтельница ихъ никогда не видитъ въ глаза мяса или курдючьяго сала». На основаніи такого правильнаго взгляда, чѣмъ богаче хозяйка, тѣмъ грязнѣе и сальнѣе она одѣвается. Только нѣсколько ауловъ, какъ напримѣръ, Ирганай, Могохъ и Карату, не слѣдуютъ этому закону и отличают-

ся своею опрятностію въ одеждѣ. Населеніе этихъ ауловъ одѣвается довольно чисто, даже щеголевато, но за то про нихъ сосѣди отзываются съ большою насмѣшкою.

Тяжелыя работы, лежащія на женщинѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, дѣлаютъ то, что онѣ развиваются очень неправильно и скоро старѣются, сохраняя только надолго прекрасныя и полныя страсти глаза—неотъемлемое сокровище каждой.

Вся жизнь лезгинки есть трудъ, и трудъ самый тяжелый. Часто можно встрѣтить возвращающимся въ аулъ двухъ-трехъословъ, навьюченныхъ ношею, за ними съ большею еще ношею, тащится женщина, имѣющая, кромѣ того, за плечами ребенка. Тяжесть ноши привела бы въ ужасъ любаго дюжаго работника, но не удивляетъ ея мужа: онъ идетъ позади, напѣвая пѣсню, праздный и съ пустыми руками. Считая себя не болѣе какъ конвойнымъ, онъ не направитъ даже на дорогу осла, если бы ему вздумалось свернуть въ сторону пощипать травы: это должна сдѣлать та же женщина.

Женщина въ Дагестанѣ есть ни что иное, какъ самка для вынашиванія дѣтей, и рабочій скотъ, не имѣющій ни минуты отдыха.

Въ домашнемъ быту горца женщина и эшакъ одинаково нагружаются. Горянка такъ привычна къ тяжелой работѣ, что, при транспортировкѣ провіанта для нашихъ войскъ, многія изъ нихъ добровольно являлись и, за положенную плату, переносили на своихъ плечахъ, на разстояніи до тридцати верстъ, кули муки въ три пуда вѣсомъ, и притомъ по трудно доступнымъ дорогамъ.

Разграниченіе въ положеніи мужчины и женщины дѣлается съ самаго ранняго возраста. Часто можно видѣть девятилѣтнихъ дѣвочекъ, возвращающихся съ рѣки съ огромными кувшинами воды, тогда какъ мальчики тѣхъ же лѣтъ, а иногда и болѣе взрослые, ничего не дѣлаютъ. Не удивительно послѣ того, что женщины старѣются весьма скоро и дѣлаются горбатыми до такой степени, что въ въ каждомъ аулѣ можно встрѣтить нѣсколько старухъ, ходящихъ

на четвереньках. Помочь женѣ въ ея работѣ мужъ считаетъ дѣломъ постыдномъ, и даже въ случаѣ болѣзни жены онъ ни за что не станетъ исполнять ея работы, а обратится съ просьбою къ сосѣдкамъ распорядиться и позаботиться о его хозяйствѣ.

Смерть жены дѣлаетъ горца нищимъ въ полномъ значеніи этого слова. Но, не принимаясь ни за что самъ и не имѣя въ домѣ хозяйки, онъ шляется изъ аула въ аулъ, выпрашивая себѣ кусокъ насущнаго хлѣба.

Сознавая свое безвыходное положеніе, онъ однако же оказываетъ при жизни полное презрѣніе своей женѣ. Имя женщины служитъ самымъ позорнымъ, браннымъ словомъ; назвать горца женщиною—значитъ оскорбить его глубоко и рисковать поплатиться за то жизнію.

Неуваженіе къ женщинѣ простирается до того, что, встрѣчаясь съ нею, мужчина привѣтствуетъ ее словомъ кошкильды—тѣмъ же самымъ, которое онъ скажетъ каждому встрѣчному не магометанину, а слѣдовательно и гяуру. Встрѣчая гостя, жена принимаетъ его такъ, какъ принимаетъ его у насъ лакей. Если мужа нѣтъ дома, то она немедленно даетъ знать о пріѣздѣ гостя и затѣмъ исполняетъ все, что мужъ ей прикажетъ. Въ отсутствіе мужа, жена не имѣетъ права подчивать гостя мясомъ, хотя бы онъ былъ самый почтенѣйшій, близкій и дорогой. Въ присутствіи гостя жена становится въ самомъ отдаленномъ углу сакли, не принимаетъ участія въ разговорѣ, отвѣчаетъ только на вопросы мужа и ожидаетъ приказаній.

Даже и въ такомъ случаѣ, когда мужъ любитъ свою жену, она все-таки исполняетъ обязанность слуги, пріобрѣвшаго расположеніе господина своею хорошею нравственностью. Она пользуется тогда до нѣкоторой степени его ласкою и восхищается шутливо-строгимъ обхожденіемъ своего властелина. Прировнять съ собою жену и поставить женщину наравнѣ съ мужчиною—это недоступно понятію горца. При разработкѣ на Гунибѣ дорогъ, жители отказались ходить

на работу, и, какъ оказалось впослѣдствіи, потому только, что поденная плата за работу мужчинамъ была положена наравнѣ съ женщинами. Если участь женщины въ настоящее время до нѣкоторой степени сносна, такъ это у джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ. Мужъ обходится съ нею ласковѣе, допускаетъ ее до разговора съ собою, обѣдаетъ вмѣстѣ съ женою, и она, не нося покрывала, часто не отворачивается отъ постороняго. Во всемъ мусульманскомъ мірѣ судьба женщины печальна, но въ Дагестанѣ она положительно невыносима, и это, конечно, главнѣйшимъ образомъ происходитъ отъ праздности мужчины.

Всѣ развлеченія въ дагестанскомъ аулѣ оканчиваются вмѣстѣ съ закатомъ солнца, и тогда все народонаселеніе закупоривается въ своихъ саклях, группируясь вокругъ тлѣющаго въ очагѣ или каминѣ кизяка и рѣдко одинокаго полѣна дровъ.

Въ ожиданіи ужина, правовѣрные отъ нечего-дѣлать перебираютъ свои грязныя четки и нашептываютъ молитву.

Несчастныя, грязныя и оборванныя лезгинскія дѣти страдаютъ отъ холода и голода, и вечеромъ, съ жадностію посматривая на котелъ и кипящую въ немъ воду, ожидаютъ остатковъ ужина.....

Только самые чадолюбивые отцы допускаютъ къ совмѣстному ужину своихъ дѣтей, но и тогда лучшій кусокъ принадлежитъ все-таки главѣ семейства.

Въ этомъ отношеніи въ характерѣ горца встрѣчается странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное противорѣчіе. Онъ любитъ своихъ дѣтей пламенно и неограниченно, но, по принципу, что въ семействѣ онъ глава, что все остальное ниже его, отецъ держитъ своихъ дѣтей въ отдаленіи, не обращаетъ вниманія на ихъ наружность, одежду и не допускаетъ ихъ къ присутствію за общимъ столомъ.

Нравственный и физическій гнетъ, тяготѣющій надъ женщиною, заглушилъ въ ней всякое проявленіе самостоятельности характера, но не могъ заглушить страстной ея натуры. Въ этомъ случаѣ жен-

щина осталась вѣрною себѣ, и строгая нравственность не составляетъ отличительной черты женщины горянки. Пылкость южной натуры, а въ особенности корыстолюбіе, дѣлаютъ ихъ весьма податливыми на соблазнъ. Сознавая, что мужъ ея неограниченный властелинъ, что онъ глава, начальникъ, повелитель, судья, защитникъ и обвинитель, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть, жены-горянки, подъ вліяніемъ своей впечатлительной натуры, далеко не прочь отъ любовныхъ похожденій; скрытно отъ мужа, она весьма часто предается разврату въ полномъ значеніи этого слова. Склонность къ разврату не стѣсняетъ ее въ выборѣ возлюбленнаго она очень легко и скоро сводитъ свои интриги съ неправовѣрными или гяурами.

Молодая жена, вступая въ домъ родителей мужа, дѣлается помощницею своей тещи, старающейся свалить всѣ работы на невѣстку, такъ что та не знаетъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Теща, помыкая ею, заставляетъ испытывать тѣ же страданія, которыя сама вынесла въ молодости. Стараясь возстановить сына противъ его жены, теща заставляетъ его обходится съ своею невѣсткою точно такъ же, какъ отецъ его во время-оно обходился съ нею. Эти совѣты матери-тещи, къ несчастію, не остаются безъ послѣдствія и не рѣдко исполняются буквально. Разсердившись на жену, мужъ, безъ всякой видимой причины и за какіе-нибудь пустяки, бьетъ ее до полусмерти, и часто, въ порывѣ бѣшества и необузданности гнѣва, рубитъ ее кинжаломъ, стрѣляетъ въ нее изъ пистолета, и если несчастная женщина не успѣетъ уклониться отъ наносимыхъ ударовъ разсвирѣпѣвшаго мужа, то падаетъ жертвою ничѣмъ неограниченнаго его своеволія. Тотъ горецъ считается добрымъ еще мужемъ, который швыряетъ въ свою жену первою попавшеюся ему подъ руки вещью, какъ, напримѣръ, башмакомъ, щипцами, чашкою и т. п. Натѣшившись вдоволь, мужъ еще сѣтуетъ на жену и жалуется на свое положеніе.

Подобныя ссоры не рѣдкость и составляютъ сдвали не ежедневное явленіе. Крики и вопли ежедневно слышны въ аулѣ, часто привлекаютъ цѣлыя толпы народа, приходящаго полюбоваться на раздирающія сцены семейной жизни горца.

Горцы, достигнувъ почтеннаго возраста, когда и здоровье не позволяетъ заниматься хозяйствомъ, передаютъ все свое состояніе, исключая денегъ, дѣтямъ, которыя, въ свою очередь, сдѣлавшись независимыми хозяевами, оказываютъ родителямъ полное пренебреженіе, въ особенности матери. Стариками, которые, по обычаю, пользуются почетомъ въ народѣ, пренебрегаютъ родныя дѣти.

Рожденіе сына даетъ еще нѣкоторыя, впрочемъ, весьма незначительныя, права женщинѣ. Но если она имѣетъ несчастіе быть безплодною или привычку рождать дочерей, то окончательно теряетъ къ себѣ всякое уваженіе и любовь мужа, который, чтобы досадить ей еще болѣе, женится на другой. Но если всѣ эти средства не помогаютъ и, по несчастію для первой, вторая жена родитъ сына, тогда старшая жена дѣлается служанкою молодой своей соперницы—и насмѣшкамъ и глумленіямъ отъ счастливой соперницы нѣтъ конца.

Безусловная вѣра въ предопредѣленіе или фанатизмъ проявляются у горцевъ въ полной силѣ. Мусульманинъ, или, лучше сказать горецъ-фанатикъ, часто страдая какою-либо болѣзнію, не лечится, основаясь на томъ, что его жизнь и здоровье нисколько не зависятъ отъ воли человѣка.

— Если Богу угодно, говоритъ онъ, чтобы я не ѣлъ больше на землѣ хлѣба, то мнѣ не пособятъ никакія лекарства, никакія заботы.

Произнося такія слова, многіе изъ туземцевъ были совершенно справедливы, потому что медицинскія познанія ихъ докторовъ были крайне ограничены и лекарства мало дѣйствительны.

Умершаго стараются похоронить какъ можно скорѣе. Тотчасъ послѣ кончины, родственники посылаютъ въ мечеть за носилками и за длиннымъ овальнымъ корытомъ, въ которомъ омываютъ его тѣло.

Обмывавшій покойника получаетъ часть его одежды, а другая принадлежитъ кадію или муллѣ. Послѣ омовенія, покойнику чистятъ ногти, а если умершая женщина или дѣвица, то ее бѣлятъ, румянятъ, чернятъ брови и рѣсницы. Обернувъ три раза чистымъ полотномъ, тѣло кладутъ на носилки, привязываютъ къ нимъ веревками, покрываютъ мужчину черною буркою, а женщину одѣяломъ или какою-нибудь матеріею, и относятъ на кладбище, гдѣ опускаютъ въ могилу безъ гроба, въ одномъ только саванѣ.

Со дня похоронъ, надъ могилою умершаго устраивается палатка или навѣсъ изъ войлока, въ которомъ помѣщается мулла или опытный мунгаллимъ (ученикъ, читающій по найму коранъ въ теченіе 8-ми, а у богатыхъ и до 40 дней со дня погребенія). Во все время, пока стоитъ на могилѣ палатка, жители каждый день ходятъ, послѣ утренняго и вечерняго намаза, помолиться о покойномъ.

Вообще горцы уважаютъ память усопшихъ. Весьма часто они выдерживали упорный бой съ нашими войсками для того только, чтобы подобрать тѣла убитыхъ своихъ товарищей и не оставить ихъ въ рукахъ непріятеля.

Памятники надъ могилами ставятъ только богатые; бѣдные же ограничиваются каменными плитами съ надписью имени умершаго, года его смерти и изреченія изъ корана. Тѣ-же, которые не могутъ, по своей бѣдности, поставить и такой плиты, ставятъ въ головѣ и ногахъ могилы небольшіе острые камни. Надъ могилами убитыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ ставятся точно такіе же знаки, какъ и въ Чечнѣ. Могилы людей, замѣчательныхъ по своей святой жизни, огораживаютъ заборомъ и непремѣнно сажаютъ дерево, на вѣтвяхъ котораго каждый прохожій вѣшаетъ, въ знакъ своего уваженія, цвѣтной лоскутъ матеріи, часто отрывая его отъ своего платья. Въ праздникъ по ночамъ на подобныхъ могилахъ зажигаются свѣтильники.

НАРОДЫ РОССІИ.

КОЧУЮЩІЕ НАРОДЫ.

ЛОПАРИ.

Характеръ, одежда, пища.

На самомъ крайнемъ сѣверѣ, на берегахъ Ледовитаго океана живетъ бѣдное и немногочисленое племя лопарей, предки которыхъ, какъ и предки многихъ другихъ народовъ, населяющихъ нынѣ Европу, вышли изъ Азіи. Надо полагать, что лопари недобровольно выбрали для жительства эти безпріютныя, скудно одаренныя природою мѣста, а что ихъ загнали туда болѣе многочисленные азіатскіе выходцы. Въ настоящее время племя это живетъ въ Россіи въ сѣверной части Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Въ Русской Лапландіи считается до 2,180 душъ обоего пола; въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ они живутъ только въ трехъ сѣверныхъ приходахъ, въ числѣ до 1,200 душъ обоего пола.

Наружность лопарей отличается своеобразнымъ типомъ. При взглядѣ на коренпаго лопаря, прежде всего поражаетъ уродливое сложеніе его большой головы, которая выдается кверху угломъ, сужи-

ваясь съ обѣихъ сторонъ. Затылокъ неокругленный, а заостренный. Лобъ широкій, глаза каріе, которые вѣчно слезятся отъ дыма и снѣга; скулы вдавленныя, носъ правильный, ротъ—искривленный жалобнымъ выраженіемъ, подбородокъ длинный и кривой, цвѣтъ лица буроватый, волосы, большею частью свѣтлорусые, густые и щетинистые, падаютъ на лобъ неровными прядками. Есть впрочемъ лопари и съ черными, лоснящимися волосами. Борода рѣдкая; у нѣкоторыхъ она вовсе не растетъ, какъ и усы, и голова покрыта струпьями. Болѣзнь эта бываетъ часто наслѣдственна.

Лопари малорослы, хотя нѣсколько выше самоѣдовъ, но, вслѣдствіе суровой жизни, сложенія крѣпкаго и проворны. Они говорятъ по-русски понятнѣе, чѣмъ самоѣды, но вставляютъ въ рѣчь посторонніе слоги, не имѣющіе никакого смысла, и цѣлыя слова на своемъ природномъ языкѣ.

Лопари, живущіе въ приморскихъ погостахъ, вслѣдствіе сношеній съ русскими, пріѣзжающими на промыслы, до такой степени утратили свой коренной типъ, что ихъ почти нельзя отличить отъ русскихъ. Особенно бросается въ глаза это на молодомъ поколѣніи Воронежской волости. Только въ лопаряхъ Терскаго берега не замѣтно этого перерожденія. Вліяніе суровой природы, посреди которой живетъ лопарь, сильно отразилось на его характерѣ. Онъ смотритъ на все съ мрачной стороны и даже физіономія его запечатлена выраженіемъ грусти. Онъ привыкаетъ съ дѣтства къ невозмутимой тишинѣ окружающихъ его громадныхъ снѣжныхъ пространствъ, и эта тишина рано сродняется съ его душою и настраиваетъ ее на мирный ладъ. Миролюбіе—отличительная черта характера лопаря. Онъ готовъ многое вынести, отъ многаго отказаться, лишь-бы жизнь его шла мирно и однообразно въ своей обычной колеѣ. Онъ чрезвычайно тихъ, терпѣливъ, добродушенъ и довѣрчивъ, уступчивъ; но стоитъ только хорошенько затронуть его—и онъ выказываетъ такую энергію, которую трудно заподозрить въ немъ. Онъ выходитъ

ЛОПАРСКАЯ ѢЗДА НА ОЛЕНЯХЪ.

тогда изъ своего всегдашняго равнодушія и становится свирѣпъ въ гнѣвѣ и непримиримъ во враждѣ.

Лопари даже не чужды воинственной отваги. Это доказываютъ сохранившіеся еще до-нынѣ между ними разсказы о воинственныхъ подвигахъ ихъ предковъ, которые нападали на норвежцевъ, пристававшихъ къ Мурманскому берегу.

Преступленій между ними почти нѣтъ; крупныхъ кражъ также. Данное слово держатъ они свято. Честность ихъ такъ велика, что русскіе промышленники, уѣзжая домой по окончаніи рыбныхъ промысловъ, поручаютъ имъ надзоръ за своими становищами, въ амбарахъ которыхъ остается иногда на нѣсколько сотъ пудовъ трески, палтусины, семги и пр. про запасъ для весеннихъ промысловъ. Въ этихъ же амбарахъ хранятся и рыболовныя снасти на нѣсколько сотъ рублей. Лопарь стережетъ все это семь мѣсяцевъ за самое пустое вознагражденіе, и промышленники, возвратясь, находятъ всегда все въ цѣлости.

Вообще, въ отношеніи къ русскимъ, лопари очень добродушны и гостепріимны, а между собою выказываютъ другъ къ другу почти братское участіе.

Самый крупный недостатокъ лопарей—пьянство, которое даже не считается у нихъ порокомъ. Пьютъ всѣ, во всякое время и вездѣ.

Также не чужды они мелкихъ обмановъ и плутовства; но надо замѣтить, что всѣ хорошія свойства лопарей врожденныя, а недостатки привились къ нимъ вслѣдствіе сношеній ихъ съ русскими промышленниками и торгашами.

Лопарки трудолюбивы, домовиты и большія мастерицы шить одежду, но вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятны и иногда упрямы. Онѣ до такой степени пугливы, что громкій, неожиданной стукъ или крикъ производитъ во всемъ организмѣ нервное разстройство, часто доводящее ихъ до бѣшенства.

Селенія лопарей, или погосты состоятъ изъ нѣсколькихъ шалашей,

называемыхъ вѣжами. Такъ какъ лѣтомъ лопари перекочевываютъ къ берегамъ моря для ловли рыбы, то у нихъ есть зимніе и лѣтніе погосты. Кромѣ того, лопарь строитъ иногда вѣжу на берегу какого нибудь озера, куда заѣзжаетъ ловить рыбу послѣ лѣтняго промысла.

Вѣжа похожа на самоѣдскій чумъ съ тою только разницею, что не перевозится съ мѣста на мѣсто, а потому и устройство ея прочнѣе. Обыкновенно лопарь строитъ вѣжу подлѣ какой-нибудь скалы или большаго камня для защиты отъ вѣтра. Онъ начинаетъ съ того, что вколачиваетъ въ землю два столба, которые соединяетъ перекладиною. Это основаніе вѣжи. Стѣны ея состоятъ изъ вколоченныхъ въ землю жердей. Образуемое ими круглое пространство съуживается кверху и заканчивается остріемъ для выхода дыма. Жерди обкладываютъ сверху хворостомъ и сосновыми или еловыми вѣтвями, а сверхъ вѣтвей дерномъ. Въ сторонѣ вѣжи, выходящей на югъ, продѣлываютъ отверстіе, въ которое вставляютъ сколоченную кое-какъ изъ досокъ опускную дверь, такъ что входъ въ вѣжу похожъ на входъ въ ловушку и притомъ устроенъ такъ неискусно, что при малѣйшей неосторожности опускная дверь можетъ пришибить входящаго. Земляной полъ покрытъ хворостомъ, поверхъ котораго разстилаютъ оленьи мѣха, служащіе постелями. Четыре балки, расположенныя крестообразно, раздѣляютъ внутренность вѣжи на девять отдѣленій. Въ трехъ первыхъ, ближайшихъ къ выходу, лежатъ дрова, кожи и различные домашніе снаряды. Въ томъ изъ среднихъ отдѣленій, которое приходится подъ дымовымъ отверстіемъ, грубо выложенъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, вокругъ котораго обыкновенно сидитъ всл лопарская семья. Направо отъ него,—отдѣленіе хозяина съ хозяйкою, а налѣво—другихъ членовъ семьи. Три заднія отдѣленія служатъ кладовыми для съѣстныхъ запасовъ. Въ перекладины вбиты крючья, къ которымъ привѣшены на цѣпочкахъ котлы для варки пищи. Прямо противъ двери на полкѣ стоитъ мѣдный

или деревянный образъ, и тутъ же около него разная хозяйственная утварь, а на полу подъ образомъ чанъ съ водою, подлѣ котораго виситъ безмѣнъ. Мѣсто это называется чистымъ, къ нему питаютъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія, хотя тутъ же льютъ помои, бросаютъ кости рыбъ и пр. Зимою, передъ вѣжею устроиваютъ небольшія сѣни изъ снѣга.

Кромѣ вѣжи, лопари живутъ также въ тупахъ. Такъ называютъ небольшія, очень низенькія хижины, построенныя изъ тонкихъ бревенъ, съ земляною крышею.

Въ тупѣ два-три маленькія окошечка, въ которыя вставлены стекольныя рамы. Полъ выстланъ расколотыми пополамъ тонкими бревнами. Тупа отапливается очагомъ въ родѣ камина, сложеннымъ изъ камней, смазанныхъ глиною. Дымъ выходитъ въ дощатую трубу, возвышающуюся надъ кровлею.

Въ нѣкоторыхъ погостахъ есть курныя и даже бѣлыя избы. Послѣднія посреди вѣжъ и тупъ кажутся настоящими дворцами; но ихъ очень немного. Постройка избы тяжелая и трудная работа для лопарей, такъ какъ у нихъ нѣтъ пилъ, а только топоры, притомъ же роскошь эта доступна для нихъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много лѣса. При бѣлой избѣ есть также вѣжа, но уже служащая кухнею.

Около каждаго лопарскаго жилья непремѣнно есть небольшая клѣтушка, родъ амбара, въ которомъ лопарь хранитъ главное свое богатство, а именно: шкуры убитыхъ имъ пушныхъ звѣрей и рыбу. Большею частью клѣтушки эти строятъ на высокихъ столбахъ, затѣмъ чтобы въ нихъ не могли забраться ни лисица, ни волкъ.

Общій видъ лопарскаго погоста наводитъ тоску. Иногда онъ такъ занесенъ снѣгомъ, что еслибы не дымъ, выходящій изъ вѣжъ, и не собачій лай, то можно бы подумать, что вовсе нѣтъ жилья.

Внутри вѣжъ бросается въ глаза нечистоплотность, почти всегда нераздѣльная съ грубостью понятій и бѣдностью.

Хозяйственной утвари вообще мало. Удобствъ никакихъ. Низень-

кій, хохлатый, закопченный дымомъ лопарь, закутанный съ головы до ногъ въ мѣха, встрѣчающій васъ, почесываясь, у двери, напоминаетъ скорѣе медвѣдя, вылѣзшаго изъ своей берлоги, нежели человѣческое существо. Но и въ этомъ грустномъ бытѣ можно найти хорошее, и недаромъ существуетъ пословица, что въ Лопарской землѣ снаружи бѣдно и грязно, за то внутри ея скрывается часто золото—миръ.

Одежда лопаря похожа на самоѣдскую. Онъ носитъ такую же малицу, какъ и самоѣдъ, т. е. родъ мѣшка изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, сшитой оленьими жилами, безъ разрѣза, а только съ отверстіемъ для головы. Лопари называютъ эту одежду *печокъ*. Печокъ надѣвается поверхъ овчиннаго тулупа. Нижняя одежда изъ грубаго холста. Въ большіе морозы надѣваютъ подъ печокъ рубашку изъ молодыхъ оленьихъ шкуръ, шерстью къ тѣлу. На головѣ у лопаря теплая шапка, подбитая и опушенная россомашьимъ или лисьимъ мѣхомъ. Иногда шапка украшена множествомъ фарфоровыхъ пуговокъ и кусочками цвѣтнаго сукна. На ногахъ длинные сапоги изъ шкуры оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ, съ загнутыми кверху острыми и длинными носками, называемые *ярами*. Сапоги эти довольно красивы, такъ какъ мѣхъ состоитъ изъ темныхъ и свѣтлыхъ полосъ, которыя чередуются между собою. Яры всегда пришиваются къ брюкамъ изъ выдѣланной оленьей кожи. Подъ сапогами шерстяные чулки или сукно, плотно обвитое вокругъ тѣла тесмою. Иногда вмѣсто яровъ надѣваютъ *каньги* — башмаки съ острымъ носкомъ. На рукахъ шерстяныя варежки, а сверхъ нихъ длинныя рукавицы изъ невыдѣланной оленьей шкуры.

Лѣтняя, верхняя одежда называется—*юпа*. Она шьется изъ толстаго сукна, на-подобіе голландской рубашки, со стоячимъ воротничкомъ, защищающимъ на морскомъ берегу отъ вѣтра и въ тундрѣ отъ комаровъ. На головѣ валеный колпакъ, имѣющій форму сахарной головы, черный съ краснымъ подбоемъ. Въ будни носятъ его

ЛОПАРИ

ТИПЫ РУССКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

наружу черною стороною, а по праздникамъ красною. На ногахъ—*нюх-и-яки*, т. е. длинные сапоги изъ выдѣланной, оленьей кожи съ мягкою подошвою, на которую насыпаютъ внутри траву, ситникъ а на рукахъ—шерстяныя руковицы. Юпу подтягиваютъ ремнемъ, на которомъ виситъ ножъ, огниво съ трутомъ и непремѣнно мѣшечекъ изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, украшенный иногда мелкимъ бисеромъ.

Женщины зимою носятъ также печокъ, а подъ нимъ суконную юпу. Лѣтомъ же сарафаны пестрядинные, выбойчатые и даже ситцевые и рубашку изъ грубаго холста. На головѣ красный кумачный или штофный повойникъ, похожій фасономъ на повойники поморокъ съ холстинным подзатыльникомъ. Иногда повойникъ и подзатыльникъ вышиты бисеромъ. Лопарки любятъ щегольство, которое проявляется у нихъ въ видѣ оловянныхъ и мѣдныхъ колецъ на рукахъ и такихъ же серегъ большаго размѣра, но въ особенности щеголяютъ онѣ крестомъ, который надѣваютъ сверхъ рубашки.

Зажиточныя носятъ его на серебряной цѣпочкѣ. Дѣвушки одѣваются такъ же какъ и женщины, только вмѣсто повойниковъ повязываютъ голову пестрымъ или краснымъ бумажнымъ платкомъ, на шею надѣваютъ онѣ ожерелья изъ разноцвѣтныхъ бусъ, биссера и мѣстнаго жемчуга. Всѣ женщины носятъ на ремнѣ ножъ и игольникъ со всѣми принадлежностями для шитья. У хозяекъ, кромѣ того, виситъ на ремнѣ ключъ.

Лопари, живущіе въ холодномъ климатѣ и проводящіе жизнь въ безпрерывномъ трудѣ, принуждены употреблять большое количество пищи, но они не могутъ быть разборчивы въ этомъ отношеніи.

Рыба и оленина—главные продукты, доставляемые имъ природою въ этихъ почти лишенныхъ растительности мѣстностяхъ. Впрочемъ лопари привыкли нынче къ хлѣбу, который покупаютъ у поморовъ. Сами же не пекутъ его, такъ какъ это невозможно при устройствѣ ихъ очаговъ. Рыбу ѣдятъ они свѣжую и вяленую. Любимое ихъ

кушанье называется рокка, т. е. похлебка изъ вяленой рыбы, съ мучною подболткою. Также приготовляютъ они родъ кашицы на рыбьемъ отварѣ изъ ржаной муки, пополамъ съ сосновою корою. Эта кора употребляется бѣдными лопарями и отчасти предохраняетъ ихъ отъ цынготной болѣзни. Изъ ржаной муки дѣлаютъ они рѣзку, т. е. пекутъ полусырыя лепешки, которыя потомъ рѣжутъ на кусочки и ѣдятъ, обмакивая въ уху или горячую воду. Также пекутъ родъ пироговъ изъ ржаной муки. Но самыми лакомыми кушаньями считается медвѣжатина и простокваша изъ ланьяго молока, въ которую кладутъ траву василекъ. Въ постные дни питаются кромѣ рыбы ягодами, брусникою, воронцею и морошкою.

Живущіе на Терскомъ берегу лопари ѣдятъ и въ постные дни куропатокъ, которыхъ тамъ изобиліе и которыхъ они называютъ летучими рыбами. Оленье и птичье мясо жарятъ у огня, воткнувъ на желѣзный прутикъ, и также варятъ изъ него щи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лопари ѣдятъ не только всякую рыбу, но хищныхъ звѣрей и птицъ. Мужчины, женщины и даже дѣти пьютъ много водки. Чай же употребляютъ больше такъ называемый лопарскій, т. е. какую-то траву, имѣющую довольно пріятный вкусъ. Впрочемъ тѣ, которые позажиточнѣе, пьютъ и настоящій чай.

Религія и бытъ

Лопари до половины XVI столѣтія были язычниками. Но въ этомъ столѣтіи инокъ Соловецкаго монастыря, Ѳеодоритъ, удалившійся изъ любви къ пустынножительству къ берегамъ рѣки Колы, построилъ здѣсь монастырь. Познакомясь съ жившими въ окрестности лопарями, онъ началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя молитвы и распространилъ между ними понятіе о христіанствѣ. Въ то же время, другой проповѣдникъ св. Три-

ТИПЫ НОРВЕЖСКИХЪ ЛОПАРЕЙ.

фонъ, просвѣтилъ христіанствомъ лопарей, живших̀ъ на рѣкѣ Печенгѣ, и построилъ въ этомъ краю первый христіанскій храмъ во имя Пресвятой Троицы. Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1533 году и тогда же крестили всѣхъ новообращенныхъ лопарей. Трифонъ устроилъ здѣсь монастырь и самъ принялъ иночество.

Вскорѣ христіанство распространилось по всей странѣ, такъ что въ 1526 году лопари Кандалакской губы, пріѣхавъ въ Москву, просили у новгородскаго архіепископа, Макарія, антиминса и священника для построенной ими церкви. Въ 1532 году просили у Макарія священниковъ Кольскіе лопари. Макарій исполнилъ ихъ желаніе,— и прибывшіе сюда священники крестили многихъ лопарей, живших̀ъ за мысомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Св. Носа.

Вскорѣ приняли крещеніе Терскіе лопари, жившіе по рѣкѣ Понойѣ. Въ 1581 году была дана грамота на учрежденіе церковнаго причита при Понойской церкви. Но впослѣдствіи лопари въ дѣлѣ христіанства были предоставлены совершенно на произволъ судьбы и потому не могли ознакомиться ни съ догматами христіанской религіи, ни даже ея обрядовою стороною. Имъ неизвѣстны даже самыя главныя молитвы. Церквей въ Лапландіи очень мало. Священникъ обязанъ разъ въ годъ объѣзжать всѣ погосты, но онъ рѣдко застаетъ дома лопарей, постоянно занятыхъ зимою пушнымъ, а лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Иные не видятъ его по нѣскольку лѣтъ.

Вслѣдствіе ихъ кочевой жизни, родившіеся часто остаются по нѣскольку лѣтъ безъ крещенія, а умершихъ хоронятъ безъ церковнаго обряда. Правда, что лопари наблюдаютъ посты и теплятъ свѣчи въ своихъ часовняхъ, но они исполняютъ это какъ обычай, едва понимая его значеніе. Одно уже то, что лопарки носятъ поверхъ рубашки символъ христіанства—крестъ—и стараются щеголять имъ одна передъ другою, доказываетъ какъ грубы ихъ понятія въ этомъ отношеніи. Въ настоящее время, впрочемъ, при волостяхъ устраиваются церкви и школы.

Несмотря на то, что лопари считаются христіанами, между ними сохранилось еще и до-нынѣ много языческихъ вѣрованій.

Въ языческія времена у нихъ не существовало никакихъ храмовъ или капищъ, но были идолы: каменные и деревянные. Каменные состояли просто изъ камней въ ихъ натуральномъ видѣ, или деревянные — изъ обрубковъ дерева, корни котораго обрѣзывали такъ, что они имѣли видъ человѣческой головы. Этихъ идоловъ называли сейдами. У лопарей существовало повѣрье, что боги присутствуютъ тамъ, гдѣ величественна природа, а потому они ставили сейды преимущественно на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ, но всегда на открытомъ воздухѣ. Иногда на одномъ мѣстѣ стояло по нѣскольку такихъ идоловъ, изображавшихъ цѣлую семью боговъ: самый большой былъ главою семьи, поменьше его женою, а остальные-- дѣтьми и работниками.. Лопари чрезвычайно почитали этихъ идоловъ и приносили имъ въ жертву части животныхъ. Мѣсто вокругъ идола считалось священнымъ. Беременнымъ женщинамъ запрещено было подъ опасеніемъ смерти приближаться къ этимъ мѣстамъ. Мужчины также не дерзали подходить къ нимъ безъ жертвъ.

Ужасъ къ священнымъ мѣстамъ былъ такъ великъ, что еще и нынѣшніе лопари христіане стараются обѣгать ихъ. Въ ихъ окрестностяхъ никто не селится и не ловятъ птицъ. Когда же ловятъ рыбу, то наблюдаютъ безмолвіе и не берутъ съ собою женъ и собакъ. Особенно боятся этихъ мѣстъ лопарки.

Еще уцѣлѣло у лопарей вѣрованіе въ духовъ горъ и воды. Они воображаютъ и донынѣ, что можно продать душу этимъ богамъ и получить за то власть надъ другими людьми въ различныхъ случаяхъ жизни. Этимъ богамъ приносятъ дань или ту же жертву. Лопари, живущіе въ глубинѣ страны, взбираются для этого на высокую гору, выбираютъ лучшаго оленя и молятся до тѣхъ поръ, пока выбьются изъ силъ, затѣмъ убиваютъ оленя и остаются здѣсь ночевать. Смотря по сну, какой увидятъ, и по вытекшей изъ оленя крови, заклю-

ВАДЗЕ.—ПОГРАИНЧНЫЙ СЪ НОРВЕГІЕЮ ЛАПЛАНДСКІЙ ГОРОДЪ.

чаютъ о томъ—уменьшатся ли или увеличатся ихъ стада. Приморскіе же лопари приносятъ въ жертву духу водъ маленькую лодочку, нагруженную жемчугомъ, серебромъ и другими веществами, которую спускаютъ въ море. Иногда мореплаватели вылавливаютъ изъ воды такія лодочки.

Обо всѣхъ явленіяхъ природы у лопарей, какъ и надо ожидать, образныя понятія. Такъ они видятъ въ сѣверномъ сіяніи души своихъ умершихъ родственниковъ, подымающіяся на небо. Нѣкоторыя лопарки до такой степени прозорливы въ этомъ случаѣ, что различаютъ даже въ какой именно части сіянія находятся ихъ отцы, братья, мужья и пр.

Про полевыхъ мышей, странствующихъ большими стадами, лопари думаютъ, что онѣ валятся на землю изъ облаковъ, и потому не дѣлаютъ имъ никакого вреда.

Вѣрованье въ лѣшихъ и водяныхъ сильно распространено. Лопарь любитъ потолковать объ этихъ таинственныхъ существахъ, увлекающихъ его воображеніе за недостаткомъ умственной дѣятельности, и на этотъ счетъ ходитъ много разсказовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ говорятъ, будто лѣшій ходитъ въ красномъ колпакѣ и съ дубиною въ правой рукѣ. Иной лопарь разсказываетъ, какъ лѣшій гнался за нимъ, а если не за нимъ, такъ за его дѣдомъ или прадѣдомъ.

Вода, по мнѣнью лопарей, населена кромѣ рыбъ чертями и, разумѣется, главное мѣстопребыванія ихъ омуты. Около такихъ мѣстъ не закидываютъ даже сѣтей.

Лопари славились еще въ древности своимъ искусствомъ въ колдовствѣ. Когда появилась комета въ 1584 году, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный выписалъ изъ Лапландіи колдуновъ, для объясненія этого явленія. Въ настоящее время вѣра въ колдуновъ нисколько не ослабѣла. Лопари воображаютъ, что колдунъ можетъ вызвать дождь, разговаривать съ духами, призывать и прогонять

насѣкомыхъ и пр. Единственное спасеніе отъ нихъ—громъ, кот
уничтожаетъ колдуновъ. Еслибы его не было, то они извели-бы
имъ чародѣйствомъ весь свѣтъ. При покражѣ какой нибудь
или при другомъ подобномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ помощи
дуна. Онъ не употребляетъ никакихъ заклинаній, но бьетъ въ
шебный барабанъ который ничто иное какъ овальной формы я
обтянутый съ одной стороны кожею; къ нему привязано множ
веревокъ и разныхъ побрякушекъ. На кожѣ изображены неб
свѣтила, звѣри, птицы и разные волшебные знаки. Колдунъ кл
на нее кольцо и начинаетъ колотить по ней мохнатымъ оле
рогомъ. Кольцо подпрыгиваетъ и, смотря по тому, на какой уп
знакъ, колдунъ узнаетъ какой ему дать отвѣтъ. Иногда колду
время гаданья прибѣгаетъ къ обмороку, и лопари убѣждены, ч
это время душа его блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ т
онъ хочетъ узнать.

Существуютъ еще между лопарями такіе искусники, которы
то бы умѣютъ напускать по вѣтру разныя болѣзни. Всѣ боятс
и потому оказываютъ имъ уваженіе и почетъ. Къ нимъ же
щаются для излеченія напущенной болѣзни. Лопари думаютъ
что эти знахари могутъ дѣлать добро и зло, какъ на землѣ,
на водѣ.

Отъ наружныхъ ранъ лопари лечатся сосновою сѣрою; отъ
сты моются отваромъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ бо
пьютъ парную кровь дикихъ оленей. Чаще всего прижигаютъ
ное мѣсто зажженною губкою, которую держатъ на тѣлѣ д
поръ, пока треснетъ кожа.

Когда лопарь охотится на медвѣдя, то, прежде чѣмъ выст
обращается къ нему съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, медвѣдь, п
далъ первый, такъ какъ ружье можетъ осѣчься, рука дро
т. п. Послѣ чего, по убѣжденію лопаря, благодарный за эту
вость медвѣдь, никогда не рѣшится напасть первый на че

Новорожденнаго ребенка кладутъ нагаго въ колыбель, выдолбленную изъ древеснаго обрубка и похожаго формою на ткацкій челнокъ, и покрываютъ мѣхомъ. Сверху же перетягиваютъ веревками. Колыбели вѣшаютъ въ шалашахъ и на древесныхъ сучьяхъ. Во время перекочевки мать несетъ колыбель на спинѣ.

При крещеніи родители дарятъ малюткѣ лань, которую клеймятъ особымъ клеймомъ. Какъ лань, такъ и принадлежность ея, остаются на всю жизнь собственностью ребенка.

Лопари вступаютъ въ бракъ обыкновенно съ согласія родителей; но бываютъ случаи самовольныхъ браковъ, хотя чрезвычайно рѣдко. Къ такимъ бракамъ относятся съ большимъ презрѣніемъ. Обыкновенно же родители сами выбираютъ жениху невѣсту.

При сватаньѣ и свадьбѣ строго соблюдается множество старинныхъ обычаевъ.

Отецъ жениха, взявъ порядочный запасъ вина, идетъ съ сыномъ въ тотъ погостъ, гдѣ живетъ невѣста. Придя въ ея вѣжу, онъ читаетъ передъ дверью молитву; ему говорятъ въ отвѣтъ: «аминь», и онъ входитъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Выступивъ впередъ, лопарь вынимаетъ флягу съ виномъ и, наливъ стаканъ, подаетъ отцу невѣсты, а если нѣтъ отца, то старшему въ семьѣ. Тотъ не отказывается, а спрашиваетъ: «А что, первая рюмка не завяжетъ?» Гость отвѣчаетъ ему, что онъ можетъ выпить ее и не исполнить его просьбы. Хозяинъ вѣжи выпиваетъ тогда рюмку и возвращаетъ ее гостю. Тотъ подноситъ другую рюмку хозяйкѣ, которая также выпиваетъ ее. Затѣмъ опять слѣдуетъ рюмка хозяину, послѣ чего всѣ усаживаются — и начинается сватовство, оканчивающееся обыкновенно тѣмъ, что отецъ невѣсты говоритъ: «Хорошо, мы подумаемъ».

Отказъ считается безчестьемъ, и оскорбленная сторона взыскиваетъ какъ за безчестье, такъ и за выпитое вино. Въ случаѣ же согласія, отецъ невѣсты посылаетъ съ этимъ извѣстіемъ къ отцу же-

ниха своего сына, послѣ чего женихъ пріѣзжаетъ со всею своею роднею.

У лопарей женихъ обязанъ, такъ сказать, купить невѣсту, и даетъ за нее условленное число оленей и шкуръ пушныхъ звѣрей. Иногда онъ обязуется прослужить нѣсколько лѣтъ тестю. Обо всѣхъ этихъ статьяхъ торгуются, причемъ отецъ невѣсты старается запросить какъ можно больше; но, разъ сойдясь въ условіяхъ, строго выполняетъ ихъ.

Наканунѣ свадьбы, женихъ съ своими родными ѣдетъ къ вѣжѣ невѣсты, гдѣ уже собрались всѣ ея родственники. Дверь заперта на задвижку, и жениха не пускаютъ. Онъ начинаетъ стучаться, приговаривая: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!» Это повторяется до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго раза изъ вѣжи слышится сердитый, заспанный голосъ: «Кто это тамъ бродитъ по ночамъ»? Вслѣдъ затѣмъ дверь отворяютъ до половины, и въ отверстіе появляется голова родственника невѣсты, исполняющаго роль свата. «Не вижу, не вижу, что за люди пришли», говоритъ онъ, щуря глаза. Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ. Сватъ третъ имъ одинъ глазъ и прищуриваетъ другой, за что получаетъ опять полтинникъ, на этотъ разъ уже отъ жениха.

Но ему мало этого. Онъ говоритъ, что горло болитъ — ему дарятъ платокъ; далѣе, что озябъ—ему даютъ водки. Братъ невѣсты, въ свою очередь, также продѣлываетъ всю эту исторію. «У насъ улетѣла птичка, говоритъ наконецъ отецъ жениха, такъ мы пріѣхали посмотрѣть, не здѣсь-ли она спряталась». Послѣ того дверь отворяютъ, и гости входятъ въ вѣжу гуськомъ, держа другъ друга за плечи. Женихъ начинаетъ топать, но его осаживаютъ возгласами «тпру!» Послѣ этого вся родня жениха усаживается на лавки, гдѣ уже сидитъ вся родня невѣсты, но ея самой нѣтъ. Отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ и будятъ его, слегка постукивая пальцами по головѣ. Онъ протираетъ глаза и го-

ворить, чтобы ему дали на очки, на починку головы и пр. То же дѣлаетъ и вся родня невѣсты, которую женихъ обязанъ одарить. Разыгравъ всю эту комедію, выводятъ невѣсту подъ покрываломъ и усаживаютъ на постель. «Не та-ли это птица, которую вы ищите?» говорятъ родные невѣсты, указывая на нее. Тогда настаетъ очередь свахи просить подарка и, получивъ его, она поднимаетъ покрывало. «Та самая», отвѣчаютъ гости. Шаферъ невѣсты беретъ ее за руку и подводитъ къ жениху. «Попробуемъ, хороши-ли у вашего сокола когти»? приговариваетъ шаферъ и, положивъ руку невѣсты въ руку жениха, начинаетъ похлопывать его. — «Ого, у вашего сокола хороши когти», говоритъ онъ въ заключенье. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, который та тотчасъ же повязываетъ на голову, и затѣмъ уѣзжаетъ домой. Родные же его остаются—и начинается пиръ.

На другой день всѣ опять собираются въ домѣ невѣсты и, помолясь Богу, идутъ въ церковь, иногда за 300 верстъ. Послѣ свадьбы новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ, и тутъ начинается пиръ во всемъ разгарѣ, на который всякій приноситъ то, что у него есть, съѣстнаго и водку. На свадьбѣ прыгаютъ черезъ шесты, играютъ въ гусекъ, разсказываютъ разныя басни, поютъ и пляшутъ. Игра въ гусекъ — нѣчто въ родѣ шахматной: играютъ тринадцатью камушками, изображающими гусей и лисицу.

Повеселясь и погулявъ вдоволь, свадебный поѣздъ отправляется въ погостъ отца новобрачной, гдѣ она остается съ мужемъ. По прошествіи года, тесть и теща награждаютъ зятя оленями и одеждою, и онъ уѣзжаетъ съ женою въ свой погостъ, гдѣ и устраиваетъ себѣ вѣжу. Иногда же поселяется у отца и живетъ вмѣстѣ съ нимъ, пользуясь всѣмъ, наравнѣ съ неженатыми сыновьями.

Увеселенія лопарей не разнообразны. Въ воскресные дни молодые люди выходятъ изъ тупъ и вѣжей на открытый воздухъ, для игоръ. Старики садятся тутъ же и бесѣдуютъ между собою, причемъ слушатель шевелитъ губами такъ-же, какъ разсказчикъ. Обыкновенныя

игры: прыганье черезъ шесты, борьба и игра въ мячъ. Поютъ также пѣсни, но пѣнье лопарей непріятно, такъ какъ у нихъ хриплые голоса. Иногда пляшутъ подъ пѣнье.

Зимою лопари занимаются оленеводствомъ и пушнымъ промысломъ, но въ началѣ весны изо всѣхъ погостовъ внутри страны перекочевываютъ къ морю для ловли рыбы. Перекочевка эта совершается въ кережкахъ, легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, которыхъ лопарь погоняетъ возгласами: «ги! го! ге»! Вѣжи и тупы остаются безъ надзора, какъ оттого, что не боятся воровъ, такъ и оттого, что въ нихъ и взять нечего. Хозяйственный скарбъ увозится съ собою. Стада оленей большею частью остаются бродить на произволъ судьбы. Въ случаѣ, если волки, россомахи и медвѣди потаскаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то хозяинъ всегда вознаградитъ эту убыль дикими оленями. Длинныя вереницы кережекъ мчатся къ условленному мѣсту, при чемъ лопарь ѣдетъ, не разбирая пути. Дорога вездѣ лежитъ для него бархатнымъ ковромъ, а заблудиться не боится онъ оттого, что ему хорошо знакомы страны свѣта: онъ знаетъ, что въ той сторонѣ, съ которой не ростетъ на каменьяхъ мохъ — сѣверъ, а на противуположной, съ которой камни одѣты мохомъ, — югъ, и соображается съ этимъ. Хорошо для лопаря то, что, отправлясь въ путь, онъ не долженъ запасаться кормомъ для оленей, такъ какъ они отыскиваютъ сами чутьемъ мохъ подъ снѣгомъ, а когда хотятъ пить, то ѣдятъ снѣгъ.

Во время перекочевки, лопарямъ не разъ случается ночевать на открытомъ воздухѣ, такъ какъ жилье въ этой странѣ рѣдко. Въ такомъ случаѣ, они огораживаютъ кережками извѣстное пространство и, набравъ хворосту, разводятъ огонь. Они дѣлаютъ это очень проворно и искусно, такъ какъ у каждаго лопаря непремѣнно есть при себѣ огниво, березовый трутъ, который хранится въ костяномъ футлярѣ, кусочекъ сѣры и нѣсколько обломковъ коры смолистыхъ деревьевъ. Всѣ ложатся вокругъ огня, закутанные въ мѣховые одеж-

ЛОПАРСКАЯ ВЪЖА.

ды и, зарывшись въ снѣгъ, спятъ такъ-же спокойно и крѣпко, какъ на пуховикахъ.

Иногда ночью залаютъ собаки: это значитъ, что къ оленямъ подкрадывается волкъ. Проснувшись, лопарь встаетъ, убиваетъ хищника изъ винтовки,—и снова крѣпко засыпаетъ.

На слѣдующее утро снова пускаются въ путь. Кережки тянутся длинными вереницами, за ними слѣдуютъ навьюченные олени. Лопари и лопарки идутъ подлѣ кережекъ, весело разговаривая между собою. Между ними снуютъ дѣти, рѣзвясь и играя. Рядъ кережекъ тянется версты на двѣ. Позади него идутъ домашніе олени, сопровождаемые нѣсколькими десятками малорослыхъ, косматыхъ, лапландскихъ собакъ. Прибывъ къ мѣсту лѣтнихъ промысловъ, лопари живо устраиваются въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ и принимаются за работу.

На Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, гдѣ лопари нанимаются работниками къ русскимъ промышленникамъ, послѣдніе, по окончаніи промысловъ, угощаютъ ихъ обѣдомъ, на которомъ главную роль играетъ норвежскій ромъ. Иногда въ одномъ становищѣ, въ одинъ день, бываетъ у разныхъ хозяевъ до пяти и шести такихъ обѣдовъ, Лопарь, страстно любящій спиртные напитки, непремѣнно явится на каждый изъ нихъ, а въ промежуткахъ, отъ избытка восторга, поваляется и покувыркается по землѣ.

Лопари любятъ заводить съ русскими тѣсную дружбу. Часто лопарь, чтобы укрѣпить ее, мѣняется съ русскимъ крестомъ, причемъ дѣлаютъ другъ другу подарки. Обычай этотъ старинный.

Способъ погребенія лопарей скорѣе языческій, чѣмъ христіанскій хотя, конечно, языческіе обычаи исполняютъ тайно. Покойника хоронятъ безъ гроба, иногда въ одеждѣ, иногда же нагаго.

Замѣчательныхъ стрѣлковъ хоронятъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносили жертвы богамъ.

Прежде покойниковъ просто клали на землю и обкладывали ка-

меньями, но нынче зарываютъ въ землю, насыпаютъ сверху курганъ, и кладутъ на него сани, полозьями вверхъ, а подъ ними немного пищи и утвари.

Иногда кладутъ въ могилу также орудія, которыми работалъ умершій: топоръ, весло, удочки и т. п. Похоронный пиръ дѣлаютъ чрезвычайно рѣдко.

На ѣздовыхъ оленяхъ покойнаго никто не имѣетъ права ѣздить.

Относительно умственнаго развитія, лопари стоятъ на очень низкой ступени. Вся цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добывать насущное пропитаніе, и всѣ силы ихъ ума устремлены, главнымъ образомъ, на средства къ удовлетворенію этой потребности. Лопарь постоянно занятъ мыслью о томъ, какъ-бы ему искуснѣе перехитрить какого-нибудь звѣря, такъ что у него не остается времени для другихъ помышленій. Какъ всѣ дикіе и полудикіе народы, лопарь прельщается тѣмъ, что поражаетъ его чувственность, разсудокъ же его бездѣйствуетъ.

Впрочемъ, онъ интересуется тѣмъ, что происходитъ внѣ круга его жалкой жизни, и путешественника, пріѣхавшаго въ какой-нибудь погостъ, обыкновенно встрѣчаютъ разспросами о томъ: здоровъ-ли Государь, живъ-ли губернаторъ, все-ли въ краю миръ.

Лопари не знаютъ грамоты, но употребляютъ вмѣсто буквъ клейма. До сихъ поръ въ лопарскихъ селеніяхъ никогда не было никакихъ школъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ десятилѣтіе, отъ 1857 до 1867 года, обучались грамотѣ изъ лопарей въ кольскомъ приходскомъ училищѣ: 3 ч. муж. пола и 1 жен. пола. Нынче хотятъ завести школы при приходскихъ церквахъ, которыя строятъ въ нѣкоторыхъ зимнихъ лопарскихъ погостахъ. Сами лопари начинаютъ уже сознавать пользу грамотности для своихъ дѣтей, и надо надѣяться, что, съ распространеніемъ ея, смягчится грубость ихъ быта.

Лопари говорятъ различными нарѣчіями, но разница между ними

состоитъ, главнымъ образомъ, въ примѣси иностран-
ныхъ словъ, смотря по тому, съ какимъ народомъ приходится имъ
чаще имѣть сношенія: финскимъ, норвежскимъ или русскимъ.

У лопарей есть своего рода героическія поэмы о богатыряхъ. За-
мѣчательно то, что богатыри эти всегда имѣли дѣло съ русскими, и
всегда одолѣвали ихъ.

Лопари рѣшаютъ вопросы, относящіеся до внутренняго порядка
ихъ быта, на мірскихъ сходкахъ. Каждый лопарь, имѣющій тупу
или вѣжу, можетъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, но молодежь не
пользуется правомъ голоса. Уважается только мнѣніе старшихъ. Наи-
большее значеніе имѣетъ голосъ такого богача, который помогаетъ
міру, внося иногда повинности за отлучившагося изъ своихъ мѣстъ и по-
могающаго въ другихъ нуждахъ. Обсуждаемые вопросы рѣшаются
большинствомъ голосовъ.

Въ случаѣ споровъ, обидъ, воровства и т. п., собираютъ особыя
сходки, на которыхъ производятъ судъ. Наказанія состоятъ въ
уплатѣ вознагражденія за обиду.

Отецъ, какъ глава семейства, имѣетъ право отдѣлять часть дѣ-
довскаго имущества и закладывать его. Если сынъ не пожелаетъ
жить вмѣстѣ съ родителями и отдѣлится противъ ихъ воли, то
отецъ ничего не даетъ такому.

Лопари, жившіе прежде на границахъ Россіи съ Норвегіею и Фин-
ляндіею, подпавъ съ X вѣка подъ вліяніе сильныхъ сосѣдей рус-
скихъ, шведовъ и датчанъ, платили всѣмъ троимъ дань, отчего ихъ
и называли двоеданными и троеданными лопарями. Тѣ изъ нихъ,
которые жили на границахъ Финляндіи, съ присоединеніемъ ея къ
Россіи, вошли въ составъ Россійскаго государства и въ настоящее
время живутъ въ самой сѣверной части Лапландіи.

Есть еще племя лопарей, говорящее совершенно особымъ нарѣ-
чіемъ и исповѣдующее лютеранскую вѣру. Лопари эти называются
финьманами или финеманами, и кочуютъ по тундрамъ на простран-

ствѣ 300 верстъ отъ города Колы на западъ до границъ Финляндіи и Норвегіи. Они владѣютъ огромными стадами оленей, иногда до тысячи головъ. Отечество ихъ — Финляндія и норвежская провинція Финмаркенъ.

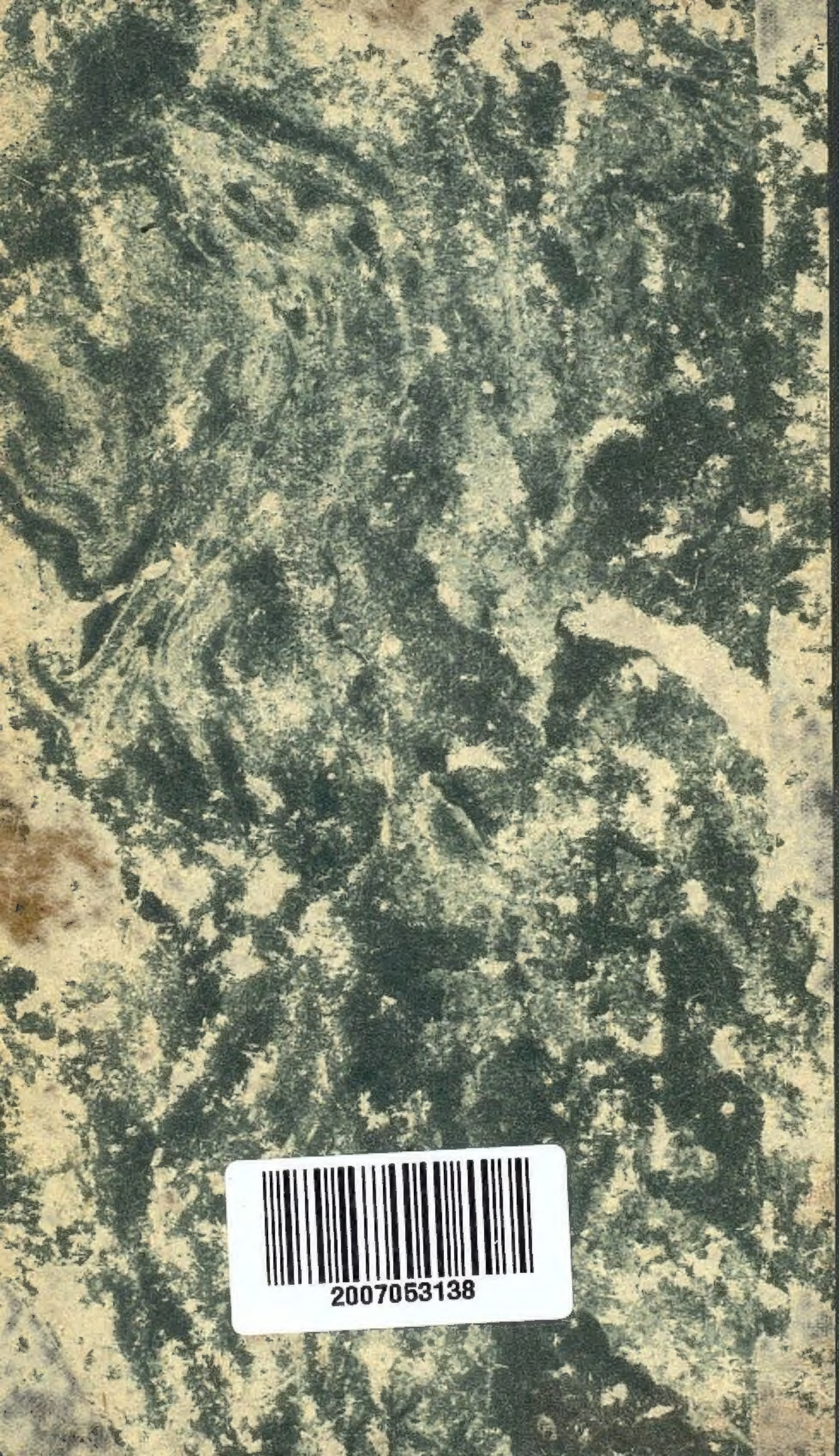
У нихъ черные волосы, каріе глаза, смуглый цвѣтъ лица съ румянцемъ на щекахъ. Они гостепріимны и цѣломудренны, но недовѣрчивы, угрюмы и мстительны. Въ отношеніи умственнаго развитія стоятъ ниже другихъ лопарей.

Они носятъ печокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ, яры, а на головѣ шапки, въ родѣ кучерскихъ, изъ синяго сукна съ краснымъ околышкомъ.

Лѣтомъ носятъ одежду изъ бѣлаго сукна. Вообще бѣлый цвѣтъ считается щегольствомъ, и печокъ изъ бѣлыхъ оленей—праздничнымъ нарядомъ. Живутъ они въ кувасахъ. Такъ называютъ палатки конусообразной формы изъ грубаго сукна, натянутаго на жерди. Грязь и духота въ такой палаткѣ невообразимыя. Пространство ея въ діаметрѣ двѣ съ половиною сажени и полторы сажени вышины, а въ ней спитъ семья, числомъ иногда до десяти человѣкъ; тутъ же и собаки.

На концахъ жердей развѣшаны оленье, китовое или тюленье мясо, шкуры, одѣяла, хомуты и пр. Посреди очагъ, надъ которымъ всегда виситъ котелокъ со снѣгомъ.

Фильманы ѣдятъ оленье и тюленье мясо, рыбу и китовый жиръ— все въ сыромъ видѣ и несоленое. Ѣдятъ также лепешки изъ ржаной муки и очень любятъ кофе, который пьютъ два раза въ день.


20070531138